

ЯДВИГА ЕЛИСЕЕВА, АЛЕКСА РАЙТ

ПУТИ ОКЕАНА: ЗОВ ГЛУБИН

КНИГА ПЕРВАЯ

18+

**Ядвига Елисеева
Алекса Райт
Пути океана: зов
глубин. Книга первая**

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70257700

SelfPub; 2024

Аннотация

Селин де Круа – юная виконтесса без наследства и власти. Чтобы вырваться из роли марионетки своего дядюшки-герцога, она бежит с умирающего от чумы континента в экспедицию на загадочный остров. Неопытная дипломатка не подозревает о том, что помимо междоусобиц и черного рынка рабов в колонии процветает производство опиума и смертоносного алхимического оружия. Глава экспедиции капитан Витал узнает в Селин свою любовь – таинственную русалку, что приходит к нему во снах. Есть ли за внешним сходством что-то большее? Или виконтесса – лишь надменная аристократка, которая из-за собственных иллюзий не понимает, в какую опасную политическую игру вмешивается. И все их планы идут к Морскому Дьяволу, когда на горизонте появляется пиратская армада бывшего друга... История о любви, предательстве и пути к себе в изуродованном мире политических интриг и страстей. Рискнете ли вы отправиться

в опасное, полное приключений и загадок путешествие, где малейший выбор становится полем битвы чести и долга?

Содержание

Во власти чумы	5
Мечты и кошмары	37
На борту	64
Армада	76
Послевкусие	101
Конец ознакомительного фрагмента.	111

Алекса Райт, Ядвига Елисеева Пути океана: зов глубин. Книга первая

Во власти чумы

Вот и всё.

Гробовая доска с грохотом захлопнулась, и земля дрогнула под ногами Селин.

Глоток зловонного воздуха застрял комом в горле.

Последние попытки угадать черты лица матери сквозь плотную траурную ткань рассеялись в пасмурном небе, полном карканья воронья и дыма от погребальных костров.

Пепел закружился в порыве студёного ветра и отразился на поверхности луж после стихшей грозы. Селин бездумно убрала с лица светлые пряди, выбившиеся из высокой причёски, и зябко поёжилась.

В покрасневших глазах больше не оставалось слёз. Им на смену пришли лишь пустота и боль.

Будь её воля, она обратилась бы в чёрную надгробную статую, чтобы не оставлять мать одну-одинёшеньку в холодном

склепе.

Среди гомона знати монотонная речь епископа ковыляла к финалу.

Как бы ни пытался казаться чопорным, тот заметно показывался. Обрюзгшие щёчки разругались и выдавали не одну принятую накануне пинту лучшего верденского. Стоявший напротив монастырский служка нахально подмигнул и Селин, потерянная и одинокая, беспомощно уставилась на наглеца.

«Да как вы смее?!...» – Вопрос едва не сорвался с губ.

Визгливый хохот одной из дам всё же заставил обернуться и немедленно утонул в складках золототканной накидки вычурной парчи.

«Похоже смерть в наших краях ныне совсем обесценилась и перестала вызывать всякое почтение. Даже к тебе, матушка – к той, которая при жизни многим из них несла лишь свет и добро».

Де Круа понимала, откуда взялась крайность впадать в разгул и пиры, – люди просто устали бояться стать следующими в бесконечных некрологах. Вот только отказ от простейшей человечности она отказывалась понимать.

Каждый смешок, каждая ужимка на похоронах били пощечинами. Селин устало прикрыла глаза и поджала губы.

В пронизывающем холоде проносились обрывки оживленных бесед и мерзкое хихиканье, чуть приглушенное веерами. Во мраке траура по последней моде то тут, то там бли-

ковали бока богато инкрустированных фляг.

«О, нелюди! Вам бы ещё начать фанты разыгрывать...!»

По всей видимости церемония погребения показалась собравшимся слишком пресной. Настолько, что компании великосветских гостей пришлось развлекать себя самостоятельно. Брат усопшей – разодетый в пух и прах герцог Фредерик де Сюлли – возглавил остроты в краткой, но точной оценке платьев. И свита немедленно подхватила забаву. Селин готова была поклясться, что в толпе прозвучали несколько имен портных да колкости в адрес белошвеек.

Действительно, «здесь все свои, а протокол писан единственно лишь для черни».

Нервный бег облаков пропустил луч бледного, словно больного, солнца.

И на мгновение её осенило.

А что, если всё – обман?..

Селин перевела глаза на гробовую доску.

Не случайно же мрачное каменное изваяние в нише фамильного склепа ничем не напоминало мать!

А что, если... она – жива?! А в чёрном мешке похоронили кого-то другого?!

В воздухе словно пахнула матушкина розовая вода с кардамоном, и Селин вскинула подбородок.

...и ведь не самая нелепая идея, учитывая извечные подковерные игры Верденского двора! О, она с детства усвоила их циничные правила: доверять здесь нельзя никому. Даже

– себе?

«Думай, думай, Селин! Кому выгоден весь этот фарс?»

Словно в ожидании подсказок, она тайком ещё раз оглядела высокое общество.

Платья гостей на погребальной церемонии отличались от бальных разве что небрежной строгостью кроя. Даже чернота тканей спорила друг с другом в дороговизне и скверно прикрытой роскоши украшений...

Они точно скрывают что-то!.. На мгновение напудренные лица превратились в застывшие безликие маски.

Чтобы сбросить наваждение, Селин украдкой сжала кулак и ощутила как собственные ноготки больно впились в кожу. Кажется, она сходит с ума... Горе и несколько суток без сна давали о себе знать и теперь самые безумные мысли стали посещать ее голову.

Не она ли все эти дни не отходила от постели матушки? Не сама ли она до последнего вздоха держала ее слабую руку в своей?

Мрачная действительность была неумолима. Мраморная статуя и холодное надгробие – всё, что осталось от единственного источника любви и теплоты в жизни Селин. Она больше не увидит лучистых глаз с грустинкой, не услышит ласкового голоса, не согреется в родных объятьях, где с самого детства привыкла укрываться от опасности.

Маленькая робкая маркиза де Круа, чьей силы сердца хватало утешать свою крошку в самые тёмные времена, теперь

обратилась прахом...

Даже отсутствие факта кровного родства с матерью потеряло всякое значение. И без злых языков Селин всё понимала едва ли не с пелёнок. Достаточно было взглянуть в зеркало, чтобы убедиться в отсутствии малейшего сходства с маркизой Изабель де Круа и с самим всемогущим герцогом де Сюлли, уже не говоря обо всём его семействе.

Впрочем при известном усилии кто-то улавливал их отдаленное сходство с кузеном Антуаном, также светловолосым и голубоглазым, но на том общие «фамильные» черты решительно заканчивались.

— Ну же, моя дорогая... крепись, умоляю тебя! Я и сам ровно так же презираю всю неуместность здешнего парада, однако ничем себя не выдаю...

Селин вздохнула и сильнее сжала локоть брата. Тот порядком устал от многочасового молебна и то и дело беззвучно чихал в ворот от едкого ладана.

— Клянусь, дорогая кузина, тётушка горячо переживала до самой своей смерти, как бы ты не раздумала отправиться со мной...

Селин рассеянно кивала: и здесь он об острове... и снова его утверждения вопреки очевидному... матушка прекрасно понимала, что дочь не оставит её в одиночестве на смертном одре. И того больше — Маркиза будто подгадала свою кончину так, чтобы задолго планируемая экспедиция на остров не была отложена ещё на полгода, а то и вовсе сорвалась.

Неприметная и удобная при жизни, Её Сиятельство маркиза Изабель де Круа тихо сгорела от чумы всего за пару недель наперекор усилиям врачей и круглосуточной опеке дочери.

Чем оказала ей услугу и после смерти.

Казалось, за истекшие недели ужас агонии насквозь пропитал Селин.

...все эти снадобья... обречённые движения длинноклых масок докторов... нарастающая мертвенность и тотальность смерти внутри собственной души...

Лоб матери померк и почернел от чумы. И вместе с ним увяла и единственная радость от предвкушения долгожданного расставания с Верденной.

Словно с уходом матушки сама жизнь покидала и её молоденькую дочь.

Антуан несколько не смутился, что не интересен безутешной сестре, и всё бубнил вполголоса. Он поднёс к её глазам новый муслиновый платок:

– ...как его там... Бу-дра? Да-Гуа? Ну же, Селин, всё никак не выучу... Да пойми, без тебя я решительно не найду, чем заняться в этой провинции! Что меня ждёт? Отчёты по приплоду скота да оброки с него? Ставить резолюции под штрафами для горемык, что не могут как следует прописывать нужные цифры? – он вдруг воскликнул. – Когда же жить мне, кузина?!

Селин с сомнением покосилась на театрально увлажнён-

ные глаза.

– Как новый управитель этих диких земель, я буду погребён под кипами бесконечных бумаг, и по всем фронтам сделаюсь обречённым на фиаско! Да-да, и клянусь, даже оставлю предсмертную записку, если ты не отправишься со мной. «В моей безвременной кончине прошу винить дражайшую кузину Селин де Круа»! Пойми же, я погибну там без твоего знания этих всех бесконечных юридических казусов, тезисов, нюансов и прочих нуднейших вещей... Ах, бедняжка моя, слезами добрую тётушку уж не вернуть... – сквозь покровительственную мину живописного сострадания Антуан даже всхлипнул, но вдруг глаза его засияли. – Но мы-то с тобой пока живы и наконец вырвемся отсюда!

Мысль о том, что уже завтра зачумлённая Вердена с её ненавистным дымом погребальных костров останется далеко позади в лигах океанской воды, неожиданно согрела истерзанную душу. Ведь и правда – впереди новая жизнь! И в ней не будет места гнусному прошлому и особенно – омерзительным его персоналиям...

– Селин, дорогая, не та ли это самая Патрисия де Монблан? Готов поклясться, её не было в списках! Или показалось... Даже на похоронах от неё нет покою... Нет, не смотри в её сторону, умоляю!

Кузен попытался было пригнуться, чтобы выпасть из поля зрения гостыи, но тут же осознал всю бессмысленность своих намерений и нарочито подбоченился.

– Я погиб, – сквозь учтивый оскал резюмировал Антуан, и непринуждённый его поклон едва не испортило отчаяние, – Эта мегера приближается... заклинаю тебя, напomini расследовать, какому мерзав... кто посмел пустить слух, будто мы с ней обручены с пелёнок?!

Селин рассеянно взглянула на приближающейся фигуру заклЯтой подруги в роскошном платье из чёрного бархата. С каждый шагом воинственное бряцание украшений становилось всё отчетливей, а сладкое облако духов – всё приторней.

– Антуан, любезный друг мой...! – Патрисия игриво взмахнула ресницами и поправила каскад тугих рыжих локонов на оголённых плечах. В этот раз от хорошо поставленного меццо-сопрано у Селин даже не дёрнулась щека, но на отточенно-приветливую улыбку сил не хватило.

Кузен впрочем элегантно поклонился:

– Миледи, в сей трагический час вы посрамили само светило вашей лучезарностью, однако вынужден откланяться! Вообразите, эти мошенники вздумали напудрить омаров в трапезной, чтобы глянец панциря не осквернил траур нашей фамилии!

Возмущённо потрясая шевелюрой с безупречными светлыми вихрами, Антуан скрылся среди богато расшитых камзолов неподалеку.

– Мои соболезнования и всякое тому подобное, – Патрисия томно смотрела в спины, за которыми исчез кузен. – Подлинный бриллиант рода де Сюлли! Какая выправка! Ка-

кая ответственность перед почтенной публикой! Разумеется, Антуан как кузен, весьма добр к тебе, но я думаю, ты достаточно умна, чтобы не питать тщетных надежд на партию с ним? Я же не ошиблась в тебе, дорогая?

Не потрудившись удостоить подругу взглядом, Патрисия снисходительно улыбнулась и чуть присела в оскорбительно неполном реверансе «для бедных». Нимало не стесняясь, она всё выглядывала единственного наследника империи де Сюлли.

– Прости, что ты сказала?

– А герцог де Сюлли определённо не ценит собственную племянницу, если заставляет на потеху публике выступать с этими твоими... операми на званых вечерах. – Об сочувствие Патрисии можно было разбить голову. – Понимаю, унижительно... Впрочем, при текущих его тратах... Неужто Его Светлость таким образом желает сэкономить на настоящих певицах?

На её лице заиграло нечто, должно быть означавшее либо искренность, либо живое участие, либо что угодно из мимического словаря нахальной дворянки. Могло ли быть такое, что Патрисии известно то, чего ей не следовало бы знать? Селин осеклась, но тут же спохватилась:

– До слёз тронута твоей тревогой о моём будущем, дорогая подруга. Однако нахожу в музыке и опере истинное наслаждение...

Патрисия замахала на неё обсыпанным бриллиантами ве-

ером:

– О, только не это! Умоляю, не начинай свою старую песню... Я её уже неоднократно слышала. Между нами: ты бываешь просто невыносима, моя дорогая. – Оскорбительно-снисходительная улыбка стала шире. – Кому, вот кому интересны твои нуднейшие размышления об искусстве и всякой там... гармонии? Но не унывай, моя бедная Селин, я готова буду похлопотать за тебя, иначе что я за подруга, верно? Когда мы с Антуаном поженимся, я прослежу, чтобы после смерти тебя похоронили в семейном склепе де Сюлли, а не как этих... паяцев... ну ты поняла же? Ну вот эти, которые заканчивают свои дни на театральных подмостках...

В другое время и в другом месте в Селин вспыхнуло бы возмущение. Оставались бы силы для светски-элегантной пикировки. Сейчас же, как и в иные моменты уязвимости и глубочайшего унижения, она просто дожидалась, когда же пытка будет кончена.

– А, и да... Уж коли мы о приличиях, то ныне леди не пристало открыто горевать на похоронных церемониях. Хотя кому я толкую... ты ведь и не на такое ради внимания пойдёшь, да? – Напомаженная губка с сомнением оттопырилась.

Селин приоткрыла было рот от возмущения и даже набрала воздуха в лёгкие, чтобы возразить нахалке, что всё совсем не так, и вообще...

– Я ведь искренне тебе сочувствую... – словно в мольбе, Патриция благолепно сложила руки в чёрных шёлковых пер-

чатках. — Незавидная участь: в наследство от де Круа-старшей остались разве что долги и «доброе имя». А с таким-то приданным надежды удачно выйти замуж после, как ты перешагнула свои двадцать лет, тают с каждым днем...

От этих слов брови де Круа сами собой поползли вверх, но де Монблан задумчиво продолжала:

— ... И если ты и дальше будешь преподносить себя таким образом... Да что там... Позволь сказать откровенно, как по-друге: ты выглядишь просто ужасно! Видела бы ты свое лицо и прическу... Помилуй, дорогая, куда делся твой вкус? Траурные платья такого фасона уже не носит даже третье сословие... И должна была давно тебе сказать: эти твои облачения с высокими воротниками только подтверждают слухи, будто племянница герцога де Сюлли имеет какой-то неприглядный дефект на коже. — Патрисия понизила голос. — Смею надеяться, это не заразно?..

— Патрисия, когда ты наконец иссякла, позволь поблагодарить тебя за столь пристальное внимание и невиданную заботу о моей скромной персоне... В попытке инстинктивно защититься, руки сами собою сцепились в замок и намертво прижались к груди. Селин потребовалось недюжинное усилие, чтобы уловить смысл слов, навывлет бьющих из жеманного красивого рта, щедро окружённого многочисленными мушками. Показалось, де Монблан, словно кобра с раскрытым капюшоном, гипнотизирует, пока она, не мигая, изучала, да всё не могла понять, достигли ли её слова мишени, или

нет.

Судя по тому, как замерла подруга, произошло туше. Однако уловить, хвалит её де Круа или оскорбляет, Патрисия всё ещё не могла.

— Ты достаточно прозорлива и мудра, чтобы понимать принципы взаимности. И потому, будь я на месте некой высокородной дамы, что маскирует мушками последствия многократно перенесенного заболевания, чье название не принято произносить вслух в приличных домах... Имей я вдруг такое же нездоровое влечение к кадетам, пажам и к прочему младшему чину нашей замечательной Лиги Доблести... И конечно же учитывая далекую от благородства историю получения титулов и капитала этой леди, я бы выбирала куда более тонкие, изящные и действительно болезненные способы опекать свои объекты зависти.

— Угрожаешь? Хитро... Похоже, мой план публично потряхнуть тебя из этой овечьей шкуры и предъявить на всеобщее обозрение сегодня не удался. А ты между прочим могла бы просто накричать или дать мне пощечину. Но ты слишком труслива для этого, подруга... Фарфоровая красота Патрисии не дрогнула. Вот только капелька пота на виске спустя пару мучительных минут выдала изнурительную работу извилин под великолепной рыжей причёской. Де Круа уже готова была даже посочувствовать медлительности мышления подруги. словно утверждая собственное превосходство, де Монблан невзначай откинула веер от вызывающего деколь-

те, картинно подбоченилась и двинулась навстречу очередному визави.

Оказавшись в месте с наилучшим обзором, Патриция ахнула и немедленно лишилась чувств. Все, как один, лорнеты блеснули в её сторону.

К ней наперегонки побежали. И женатые обгоняли холостых:

– Воды, скорее воды!..

– Скорбь вредит лучшим из нас!...

– Бедняжка денно и ночью несла тяготы поста и молитвы!

С самого начала болезни Маркизы!

И вот уже дрожащее меццо-сопрано де Монблан смиренно пожинало плоды:

– Право, друзья мои... Уверяю, со мной всё в порядке...

Раздались возгласы «богиня!», «нимфа!».

Продуманно покачиваясь, де Монблан отослала подруге воздушный поцелуй, сочувственно улыбнулась и поплыла к беседующим неподалеку вдовцам в дорогих камзолах.

За годы вынужденной дружбы с Патрисией, Селин так и не сумела привыкнуть ни к наглости, ни к цинизму наследницы империи де Монблан. Собственная голова показалась втянутой в плечи, и де Круа безотчетно сделала ими привычное движение, чтобы вернуть осанку в идеальное состояние. Страх потерять лицо перед всегда враждебной публикой крепко-накрепко въелся в самую её суть.

Чувства же её были где-то далеко-далеко...

– Миледи де Круа, приказано доставить вас к карете Его Светлости. Позвольте проводить вас.

Елейный голос адъютанта герцога заставил вздрогнуть.

Расслабленные кучеры в парадных ливреях уже стояли по стойке «смирно» у подножек карет. пышный похоронный кортеж начал подготовку к обратному пути во дворец.

– Разумеется, – от дежурной улыбки Селин его рябое лицо просияло.

Где-то в самом отдаленном уголке сознания дало о себе знать скверное предчувствие.

Ошибиться при поиске кареты Его Светлости было невозможно. Высокая, на гибкой кованой раме, монументальностью и размахом она почти на фут была выше прочих. Золото на гербах Альянса Негоциантов и тончайших росписях сверкало в жидких предзакатных лучах и возвышало империю герцога над картиной трагедии и тотального упадка вокруг. Вызывающая роскошь казалась отчаянной на фоне потускневшей панорамы агонизирующей Вердены. Где-то там тянулись улицы заваленными чумными трупами, умирающими и полуживыми нищими, а обескровленные районы с каждым днем всё рождали новые полчища крыс и полчища столь же беспринципной и живучей преступности.

Дядюшка восседал в карете на обитом красным бархатом

сидении и изучал документы с поблескивающими золотом гербами Альянса Негоциантов. Благородный его профиль веял пренебрежением и даже некоторой брезгливостью, как если бы вместо бумаг он смотрел на остывшее фрикасе.

Едва Селин присела напротив, и дверца за ней захлопнулась, герцог преобразился.

Из ниоткуда взятое умиление и живость пожилого дворянина пригвоздили племянницу к подушкам. Де Круа оцепенела. словно добрая кормилица, с ласковой укоризной уговаривающая поест бледное дитя, он заворковал:

– Милая, да на тебе лица нет! Ты ведь помнишь, не так ли, наша возлюбленная сестра Изабель всегда была противницей всякого уныния? Девочка моя, будь она рядом, разве не огорчила бы её твоя подобная распушенность? – Дядюшка игриво погрозил ей пальцем. – Ты не кухарка, чтобы отравлять нам жизнь такой миной!

Де Круа подняла глаза на резной позолоченный потолок и часто заморгала, чтобы выступившие слёзы предательски не скатились по щекам. От лживой участливости дядюшкиного лица стало так тошно, что захотелось зажать уши.

Карета тронулась. Но герцог не унимался:

– Что же это выходит, ты вздумала наказать меня таким своим настроением? Посмотри на меня, давай. Разве я вот так дуюсь? А ведь между прочим покойница была мне сестрой... Верни же лучезарную улыбку, Селин: хвала Всеведущему, наша-то жизнь продолжается!...

Благообразный вид Фредерика де Сюлли с его безупречно подстриженной высеребренной бородой, бархатным вкрадчивым голосом и покровительственным тоном, от которого не было спасения, как и всегда, обладали над ней истинно колдовской властью. Действительно, не слишком ли она отдалась гореванию? Да и вряд ли матушка желала видеть её такой.. Селин как могла учтиво кивнула и слегка растянула уголки рта в подобии улыбки, не в силах воссоздать привычную маску благожелательности.

Едва экипаж вышел на брусчатку, его перестало нещадно трясти.

В подступающих сумерках за окнами проплывали брошенные мешки с мертвецами на опустевших улицах, скопления докторов в масках со зловещими клювами и яркие зарева костров.

Необходимость играть нелепую, но привычную, роль казалась ещё более тяжкой.

Даже ужасающей.

Почему уже так трудно вспомнить, когда было иначе? Как давно она впитала смрад разложения и увядания, которые не мог заглушить даже самый дорогой парфюм? Как давно в ней проросли все эти фальшь и лицемерие, что даже сейчас она пытается изо всех сил «держать лицо»...

Дядя что-то вещал о долге их рода, но де Круа лишь рассматривала его пальцы, униженные перстнями и безуспешно пыталась ухватиться за непонятный смысл вроде бы понят-

НЫХ СЛОВ.

– ...обещай же, что я не пожалею о собственном решении... Селин?.. Селин, милая, ты слышишь меня?

Должно быть в её глазах пребывало столько тумана рассеянности, что на лице герцога промелькнуло раздражение.

– Ну же, будь умницей! У меня на тебя большие планы, милая. Тебе ведь так хотелось проявить себя и применить свои знания в деле... И я наконец дарю такую возможность: позволяю тебе сопровождать Антуана на Да-Гуа в звании Консула Альянса Негоциантов!

– Это великая честь, Ваша Светлость. Благодарю... – скороговоркой пробормотала де Круа уже в который раз.

– Вот, вот, посмотри, ты снова за своё! – Причины его обиды, деланной или нет, оставались загадкой, и Селин вслушалась. – Ты прекрасно знаешь, что решение таковой значимости далось мне с превеликим трудом... Но меня действительно озадачили последние слухи: исчезнувший управитель, мятежи, набеги дикарей, пропавшие корабли и грузы... Вам с Антуаном предстоит не только выяснить, что же происходит, но и навести порядок.

– Дядюшка, можете не сомневаться: мы с кузеном сделаем всё, что потребуется для этого, – Селин как могла, старалась излучать уверенность и энтузиазм. – Решение очень мудрое: появление представителя де Сюлли и дипломата Альянса Негоциантов осадит всех желающих перехватить власть над вашими землями. Как предупредительный выстрел, если

позволите. Любой смутьян, увидев наши флаги, уяснит, что следующим шагом с континента будет привести войска. А уж численно здешняя Лига Доблести всяко превосходит островную... Смею заверить, мы сумеем расследовать и устранить любые проявления дискредитации ваших полномочий без единого выстрела.

В глазах напротив промелькнуло одобрение. Но сейчас же угасло:

– Жаль, Антуан пошёл в мать. Верх его способностей – пьянствовать, декламировать по тавернам сомнительные стишки простолюдинам да спускать содержание на дома терпимости. Уж лучше бы акифский выучил что ли... – Герцог вздохнул. – Рассчитываю, в консульском чине ты станешь моими глазами и ушами. Кто, если не ты, поможет этому олуху не наворотить дел и приструнить тамошних выскочек.

– ...но кузен вполне способен достичь успехов на любом поприще, стоит ему чем-то всерьез заинтересоваться...

– Например, чем? – на лице дядюшки заиграла усмешка.

Селин осеклась.

Крыть было нечем. Славу молодого повесы Антуан заслужил совершенно справедливо. При этом он оставался для кухни единственным другом с самого детства: добрым и бесхитростным.

В подтверждение своих слов де Сюлли-старший сделал жест и похлопал по сиденью рядом, приглашая сесть к нему поближе. Де Круа повиновалась.

«Так подзывают болонок», – вдруг промелькнуло в голове.

Герцог взял ладонь племянницы и слегка сжал. Вкрадчивый голос зазвучал у самого уха.

– До сих пор вспоминаю твоё неоценимое участие в тех переговорах по передаче земель, девочка...

– Дядюшка, обо мне ли вы говорите? Могла бы без ваших наставлений вовремя оценить расстановку сил враждующих альянсов? Мои таланты – ничто в сравнении с гением вашего чутья и прозорливостью, Фредерик. А с подобным рождаются, и такого ни в ком не воспитать. Зато посмотрите, чего мы с вами достигли: каждая из сторон усиленно борется за ваше расположение. И даже де Монблан с их паранойей искренне верят, будто вы жените Антуана на их Патрисии...

Приподнятый уголок рта герцога дал понять: лесть достигла цели.

– Моя умница, ты же понимаешь, что образование и дипломатические таланты были тебе даны для более важных задач, чем сопровождение болвана-кузена в колонии?

Борясь с внутренним отвращением, Селин сделала вид, что заметила нечто интересное за окном. В голове пронеслась вереница последних классов по военной и гражданской дипломатии, юриспруденции, логике, казуистике, истории, экономике... Помноженные на личную гиперответственность, дисциплины сделали её безупречной дядюшкиной ставкой. Там, куда они отправляются, Антуан действи-

тельно будет поживать на лаврах в статусе управителя, а «наводить порядок» в забытой Всеведущим заокеанской колонии придется именно ей. А если это тот самый редкий шанс, когда она действительно сможет на что-то повлиять и изменить чью-то жизнь к лучшему?

Впрочем, любая возможность вырваться – намного лучше, чем перспектива оставаться на материке, ежедневно держать оборону перед надменными прихлебателями двора, терпеть ночные визиты дядюшки, да изображать, что такая жизнь её устраивает.

– Твои ум и красота делают тебя достойной статуса супруги пожалуй лишь кого-то из королевской семьи – не меньше...

О, она прекрасно понимала, что лесть в её адрес была вроде предварительных ласк, за которыми последует...

С этими словами герцог протянул нечто, что сперва показалось увесистым фолиантом, обитым красным бархатом. Открыв его, ладони её обмякли, и Селин невидящим взором уставилась на роскошное мерцание отборных жемчужин очередного многоярусного колье. То, что выглядело книгой, на деле оказалось шкатулкой с одним из типических подарков от де Сюлли-Старшего.

– Как и всегда, я помогу получить всё, чего ты заслуживаешь, – продолжал вкрадчивый голос над ухом. – В обмен на твою лояльность. И благодарность. Ты же знаешь...

Рука в перстнях недвусмысленно сжала её колено через

ткань платья. Селин передернуло от приступа дурноты и омерзения.

К нему или к себе – она не понимала.

Герцог начал наведываться в постель приемной племянницы, когда ей не было и пятнадцати. Нездоровую страсть он умело обставлял заботой, дорогими подарками и выверенными словами о любви. Оканчивалось же всё её оцепенением и длительным, бездумным, до ссадин, мытьём в ее роскошной мраморной ванной.

Впрочем, по счастью для Селин, в последние годы внимание дядюшки начинало смещаться на более юных фавориток, которым он всё чаще отдавал предпочтение.

Сейчас же он был поглощён главным образом тем, как составить выгодную партию своей племяннице с кем-то из представителей власти повыше. Делалось это с очевидным расчетом на то, что Селин станет его информатором. А если сыграют её навыки, то и – одним из серых кардиналов при дворе. Герцог умел хорошо считать и привык, чтоб все вложенные усилия окупались с лихвой.

Голос же его превратился в настырное бормотание:

– Ты же умеешь быть благодарной, не так ли?

– Да, я очень благодарна, Фредерик. Но...

– Но? Следует ли мне я напоминать, что именно я дал тебе блестящее образование, потакал во всем вам с покойной матерью, погасил все ваши долги... Я ведь вправе рассчитывать на нашу прощальную ночь, милая...

– Н-н-нет!..

Селин сбросила его ладонь, замерла и тут же зажала руками собственный рот.

Во власти её мучителя было всё.

Посадить под замок, отравить и обставить как несчастный случай, оставить в наложницах, отдать замуж за первого встречного... Да хоть бы даже за того безобразного лысого солдафона вроде Мортема – генерала фракции наёмников под названием «Лига Доблести», которого герцог будто бы в шутку называл «запасным вариантом»...

Тонкие пальцы её дрожали, а проклятое кружево ворота все никак не смыкалось вокруг шеи.

«Не отдать, а продать», – поправила себя де Круа. Она ведь по сути – не более чем вещь в расшитом позолотой платье. Неотличимая от тех бесправных и забитых рабов с намозоленными руками, что выполняли самую грязную и тяжелую работу в Вердене...

– Повтори? Не расслышал... – голос герцога стал жёстким. – Я только что говорил о том, насколько ты умна, моя милая. Неужели ты хочешь переубедить меня?

Колючий пронзительный взгляд, казалось, видел её всю насквозь. От ледяного тона поползли мурашки. Селин замерла, судорожно пытаясь подобрать правильные слова.

– Фредерик... помилуйте... Каноны траура... что люди подумают... так много удручающих событий... а я всего лишь слабая женщина...

Мерное постукивание колес по брусчатке вдруг прервала какофония криков, женского визга и звуки выстрелов. За свистом хлыста раздалось конское ржание. Карета резко качнулась и встала. Селин изо всех сил вцепилась в бархат обивки сиденья, чтобы не упасть. Кучер что-то крикнул, и голоса лакеев вторили его тревоге.

– И когда чернь уже уgomонится?! – дядюшка раздражённо потирал ушибленное колено, – Уж коли смерть от мушкетов стражи для них предпочтительней кончины от чумы, кто я такой, чтобы...

В череде ружейных выстрелов раздавалась брань и лязг клинков. Селин осторожно отодвинула шторку у окна. Фигуры людей были почти неразличимы в сизых сумерках и густом пороховом дыму. Звенело оружие. Поодаль разномастная толпа верденцев махала руками и кричала, отступая под натиском стражей Лиги Доблести. Брусчатка бурела вокруг тел павших бунтовщиков.

Выкрик «граната!» заставил резко отпрянуть, пригнуться и зажать ладонями уши.

Грянул взрыв.

Пол качнулся. Под совсем не подобающий Его Светлости возглас брызнули осколки окон кареты. Следом наступила тишина, в которой на короткий миг почудился странный скрежет и пронзительный женский визг. В груди и голове бешено запульсировало.

Некто с замотанным лицом по самые глаза, рывком было

распахнул дверь кареты, но тут же рухнул замертво. Дверной проём перегородила тяжёлая кираса с гвардейским гербом. Щит и меч, увитые лавровыми листьями, одним своим видом победили всякий страх, и Селин перевела дыхание. Кто-то из офицеров Лиги Доблести бережно убирал осколки стекла и помогал де Круа и герцогу занять свои места.

В суровом, покрытом шрамами и крупными каплями пота лице Селин узнала Брута, главу личной гвардии семьи де Сюлли, и по совместительству – их с Антуаном преподавателя фехтования и стрелкового мастерства.

Слух вернулся, и она наконец смогла расслышать хриплый запыхавшийся голос офицера.

– ...и отсюда возникла некоторая проволочка, Ваша Светлость. Засада бунтовщиков и бандитов. Тесним вглубь кварталов. По счастливой случайности пострадавших среди знати, как мне доложили, нет. Разве что напугались по-крупному. Пти... Миледи, все в порядке?

Селин неуверенно кивнула. Брут утёр лоб рукавицей и присел над трупом бунтовщика возле кареты. Другая его лапища в тяжёлой кольчужной перчатке опиралась на окровавленный клеймор.

– Теперь бунтуют не только горожане из бедных районов, но и рабы. Становятся организованнее. Не к добру это, Ваша Светлость.

– Не имеет значения. Отдай этот район на зачистку Мортему и его своре. Нам надо вовремя прибыть на поминаль-

ный ужин. Иначе приступ подагры по причине холодного фуа-гра. Слышал о таком?

– Так точно, Ваша Светлость, – Брут отдал честь и махнул куда-то вперёд, – Путь свободен. Гвардейцы сопровождают вас, а то кто их знает...

Дрожащими руками де Круа убирала выбившиеся из высокой прически пряди и не могла отвести взгляд от покойника, что распластался у подножки на мостовой.

Карета тронулась, а Селин всё смотрела в остекленевшие и будто замороженные жёлтые глаза убитого дикаря, устремленные в небо. Множество спутанных выгоревших на солнце кос окрасились тёмным из лужи под ним. Привычная для бедных районов одежда так и не сделала этого чужака похожим на местных жителей. Весь его вид выдавал чужеродность. По смуглой коже от самого ворота на шее, на щеках и даже по лбу мерещился сложный рельефный узор. Рисунок очень напоминал искусное клеймо, что ей как-то довелось увидеть на теле одного из рабов на конюшне.

Селин коснулась собственной шеи и чуть спустила пальцы за кружево ворота. Сердце вновь забило сильнее.

– Кстати, о поминальной трапезе, – продолжил Фредерик де Сюлли, подслеповато щурясь на рукав своего расшитого камзола. – В прощальном randevu мне отказано – что весьма прискорбно – но ты же не отклонишь мою просьбу насладиться твоим талантом перед отбытием? Хочу, чтобы ты исполнила ту печальную арию, как там она называется?...

Пусть задаст тон сегодняшним гостям.

Де Круа непонимающе уставилась на герцога.

Даже после таких потрясений он думал только о развлечениях. Ей предложено выступать на поминальном ужине на потеху публике, да ещё под унизительно жидкие аплодисменты и протокольные восторги. Неужели она не ослышалась? Да и вообще, ей так давно не приходилось практиковаться...

Селин тяжело вздохнула.

Пение действительно было для неё отдушиной. Практически единственным способом выплеснуть подавленные эмоции и на минуты, кажущиеся вечностью, отлепиться от приросших масок. Но предаваться отрадному увлечению юности приходилось всё реже. Под приглушенные смешки и осуждающее шушуканья в кулуарах де Круа однажды осознала, что избранная ею карьера дипломата и сомнительная репутация оперной певицы абсолютно несовместимы.

Словно наперекор ей, герцог, будучи из числа редких ценителей и эстетов, то и дело настаивал на выступлениях на различных торжествах. Отчего любимое занятие порой превращалось в настоящую пытку.

Селин с мольбой посмотрела в глаза дядюшки, показавшиеся совершенно бесцветными. Весь его вид полностью исключал любую возможность отказа.

– Как пожелаете, Ваша Светлость, – борясь с комом в горле, прошептала де Круа.

Дверь закрылась и отделила её от гомона и смеха в зале, полной изрядно повеселевших от выпитого гостей. Музыканты заиграли после паузы.

Коленки всё ещё дрожали. Спеть она так и не смогла. То ли из-за рыданий, то ли из-за нервов. Голос её оставил.

Это фиаско.

Селин прислонилась спиной к двери и выдохнула. Годы фальши, равнодушия и цинизма, замаскированные в позолоченные вензеля, шелковые оборки и витиеватые речи. Всё перечисленное, как и то, о чём не принято говорить вслух, она оставила за этой проклятой дверью и возможно больше никогда не увидит осточертевших лиц.

Пусть же теперь их будет разделять целый океан!

Её громкий вдох отразился эхом в тёмном коридоре.

Рядом хрипло крикнули.

И только сейчас Селин заметила стражников, что в недоумении косились на нее, вытянувшись по обе стороны от двери.

– Это все пересолённое канапе и кислое шампанское, господа. Вольно!

Гвардейцы не проронили ни слова. Один из них украдкой потёр явно затёкшую шею.

Селин перевела дух и спешно зашагала в библиотеку в на-

дежде найти там профессора де Фонтенака.

К утренней погрузке на корабль она обязана была убедиться в наличии всей необходимой литературы и документации. Забудь Селин чего на континенте – и в тамошнюю глушь вообще неизвестно, к какому сроку доставят...

Вопреки обычаю, учителя в это время в библиотеке не оказалось.

Де Круа грустно улыбнулась книжным полкам и внутренне попрощалась. Это место стало её убежищем на многие годы и единственной возможностью увидеть другую реальность, отличную от привычной. Тут можно было забыть в чтении удивительных приключений, исторических романов, философских трактатов и, конечно же, вымышленных примеров подлинной любви... Захотелось снова пройтись вдоль шкафов и захватить ещё пару увесистых томов, но де Круа себя одернула: на остров она и так берет почти половину содержимого дворцовой библиотеки.

Неожиданное нехорошее предчувствие повело ее в Восточную башню, где располагались покои профессора.

Долгий подъем по лестнице вывел в коридор, тускло освещённый несколькими свечами. Шторы у полуоткрытого окна надували порывы холодного сквозняка. Даже свежий ночной воздух с моря не мог перебить до тошноты знакомый запах едких микстур. В груди сжалось.

– Профессор де Фонтенак! – Селин постучала несколько раз, но ответа не последовало. – Я пришла убедиться, всё ли

в порядке...

Она простояла в нерешительности минут пять, когда дверь слегка приоткрылась. Скучный свет выхватил в проеме из темноты уставшее лицо худощавого седовласого мужчины. Вернее, лишь его половину.

– Вы забыли очки в библиотеке, – Селин протянула находку, которую де Фонтенак тут же нацепил на себя трясущейся рукой, – Переживаю, чтобы вы не забыли взять всё необходимое, профессор. Вы же помните, что отчаливаем завтра пополудни?

– Миледи, мне очень жаль...

– Не беда, я здесь, чтобы помочь. Позвольте войти, и я всё проверю.

– Я не смогу отправиться с вами... Простите меня..

Де Круа оставила попытки открыть дверь пошире и замерла от неожиданности.

– Но почему?! Вы же так хотели отправиться на Да-Гуа, разве нет?! Вы же несколько лет изучали все эти карты, доклады и статьи... Столько всего мне рассказали про остров и аборигенов... Вы очень нужны нам с Антуаном там! Ваши знания, ваша мудрость... Если вам нездоровится, то поверьте, путешествие крайне благотворно...

– Не тратьтесь, Селин. Для меня всё кончено.

От серьёзного тона его слов повеяло жутью. Де Фонтенак никогда до этого момента не обращался к ней по имени...

– Позвольте мне войти, профессор. Ещё есть время. Мы

поговорим и вы...

– Нет.

От столь резкого отказа она отшатнулась, но с надеждой посмотрела на собеседника ещё раз и попыталась коснуться руки профессора.

Де Фонтенак приоткрыл дверь чуть шире и повернул голову. Чтобы не закричать, Селин прикрыла ладонью рот и содрогнулась в беззвучных рыданиях.

По скрытой в темноте половине лица де Фонтенака змеились чёрные вены, полные дурной, чумной, крови.

– Слишком поздно для меня, дорогая... Болезнь забирает слабых здоровьем. Таких, как я, стариков. И тех, у кого нет сил на борьбу...

Он надрывно закашлялся и хотел было прикрыть дверь. Но Селин оказалась проворнее.

– Профессор!...

– В тебе всегда было столько решительности, Селин. Из всех моих студентов ты стала самой яркой звёздочкой. Светлой, открытой, с таким живым умом... таким живым сердцем... Селин, я же был слишком строг с тобой!... Чего бы ни принесла тебе экспедиция, я твердо убеждён: ты справишься. Ты найдешь себя. Настоящую себя. Откинь свою глупую мнительность, моя девочка! Верь, обязательно верь в себя, даже когда весь мир в тебя не верит! Но, заклинаю, любыми способами покинь это проклятое место. Я не сделал этого в свое время и...

В горячечной путанице слов сверкнуло и повисло в воздухе благословение умирающего учёного. Для самой себя де Круза неожиданно нарушила паузу и торопливо зашептала:

– О, я мечтаю сбежать с самого детства, профессор Фонтенак! Куда угодно! Лишь бы подальше отсюда! И только моя матушка, вы и кузен – единственные люди в Вердене, которыми я всегда дорожила. Вы давали силы проживать этот ад и верить, что я могу претендовать на нечто большее, чем роль чьей-то игрушки! Как же стало возможным, что вдруг в одночасье я лишаясь стольких близких мне людей?!

После нескольких минут кашля в узкий проём дрожащая рука протянула увесистую книгу, и Селин послушно взяла её.

Голос профессора тоже перешел на шёпот.

– Да-Гуа – то самое место, которое поможет тебе обрести свободу и проявить дипломатические таланты. Вот. Изучи внимательно это по дороге, – палец де Фонтенака тыкнул в обложку. – И обязательно найди викария Доминго по прибытию. Он сможет тебе поведать кое-что очень важное...

– Не оставляйте меня, профессор!!!...

Ее отчаяние, казалось, оглушило старика. Он долго стоял молча, мелко кивал и беззвучно двигал поджатыми губами.

– Ты сама понимаешь, что тебя здесь больше ничего не держит, моя дорогая Селин. Мне осталось всего несколько дней, от силы – пара недель. – Де Фонтенак усмехнулся. – Подлинную свободу мы обретаем, лишь всё потеряв. Я буду

молиться за тебя. Да хранит тебя Всеведущий!

Морщинистая рука в проеме наложила охранный знак, и дверь закрылась, гремя внутренним засовом.

Сквозь рыдания Селин не оставляла попытки переубедить старика, и всё колотила в кованую дверь.

Но на её голос и стук профессор больше не ответил.

С тяжёлым сердцем де Круа распахнула книгу на месте, из которого торчала странная закладка. Ею оказались прикрепленные к корешку деревянные чётки. В тусклом свете колеблющихся свечей вдруг померещилось, что узоры на бусинах выглядят смутно знакомыми. Уж не такие точно отметины с детства непостижимым образом проступают на её собственной спине? Казалось, что линии на четках пришли в движение, и Селин зажмурилась, чтобы прогнать наваждение.

На развороте открылась выцветшая затертая от времени огромная карта поросшего лесами острова Да-Гуа с причудливым рельефом гор, рек и водопадов.

Улыбка Селин сквозь слёзы впервые за всю жизнь отдавала робкой надеждой.

Мечты и кошмары

Красота пронизывает каждую клетку тела.

Серебряные и золотые птицы сверкают на солнце механическими крыльями и взмывают в бездонные небеса.

Его сапоги мягко отпружинивают от пушистых холмиков изумрудной травы, и Витал щурится, ослеплённый блеском. Он следует за звенящей стаей до тех пор, пока не оказывается у обрыва на самом краю острова, что парит в облаках. Глянцевые русла синих рек сливаются книзу и исчезают в далекой белой дымке под ногами.

Есть только бесконечная свобода ветра, и, запрокинув голову, Витал ловит её расставленными руками. Страх нет.

За спиной слышится знакомая музыка с новыми нотами чистейшего сопрано. Она обгоняет его секундную нерешительность, играет и свивается с самым воздухом пёстрыми нитями.

Вперёд! Капитан оглядывается. Словно часть фантастической симфонии, позади мерно звенят сияющие разноцветные шестерни и зубчатые колеса. Доселе неведомая мелодия рождает приятное волнение и вдохновляет чудом и тайной.

Шаг к краю обрыва – и из-под ног взлетают отрезки уходящего в небо чертежа. Ещё шаг – к ним присоединяются

новые штрихи, и давний набросок обретает новые проекции. Витал улыбается и закрывает от счастья глаза. Руки рисуют в воздухе и вынимают из небытия рождение неведомого, но отчаянно знакомого. Взмах за взмахом – и одной силой мысли перед ним в мельчайших подробностях из столбцов вычислений прорываются в реальность элементы того самого эскиза, что ему видится из раза в раз.

Совершенные гармония и равновесие, что он так долго ищет и всё никак не может найти, становятся материей и конструкцией.

Вот он поднимается на палубу, чей каркас складывается из многочисленных сопряжений формул и числовых величин и стекает вверх выверенными линиями чернил по клочьям исписанной бумаги. Пальцы касаются нарисованных бортов, и они мгновенно становятся материей в реальности: его идея обрастает лоснящейся на солнце древесиной.

– ...капитан...

Он знает, что и там его ждут. Знакомый голос доносится издалека. Из другого мира. И убивает его симфонию. Палуба под ногами перестает существовать. Тицетно хватаясь за поручни, он проваливается и летит вниз, к далёкому солнцу на глади моря. Но он полон надежд.

Небеса оказываются у ног. В безмятежном полете Витал складывает руки над головой и стрелой пропарывает толщу вод.

«Где ты? Ты видела, Уна? Посмотри, наконец я это со-

здал!»

Две сияющие звездочки в черноте воды зигзагом поднимаются из глубины к самому его лицу. Глаза морской девы смеются, улыбка серых губ обнажает очаровательную щербинку между зубов, а руки накладывают на него охранный жест.

«Моя милая девочка, я падаю в бездну, чтобы принести тебе жемчуг, кораллы, актинии и морские звёзды. Тебе будет, чем поиграть».

Взмахи ладоней продвигают Витала всё глубже, мысли его и чувства заняты русалкой, и мерцающее дно всё приближается и манит. До поверхности слишком далеко. Но он спокоен, он доплывёт.

Большие хитрые глаза оказываются прямо напротив. Она избегает прикосновений и вьется пестрой змейкой вокруг. Шипы на плавниках русалки жгут и колят, но Витал ловчее. Он прижимает её к своей груди и целует, языком нащупывая милую щербинку на передних зубах. От солёного жгучего поцелуя сыплются вверх жемчужины воздуха. Глаза закрываются в согласии отпустить сознание в вечный простор океана.

«Дыши со мной», – показывает знаками дева.

Она нежно кусает кончик его языка, и радость дыхания наполняет хмельное тело.

Словно коридор между мирами. Над ними медленно кружит косяк крупных рыб, одаривает тусклыми бликами се-

ребряных боков.

«В ночном небе я уже видел много глаз, похожих на твои. Однажды мы вместе будем читать их, обещаю».

– ...Витал! Д-дафна?! Ты что творишь!!! А ну слезай с него сейчас же! С ума сошла?...

Проклятье! Эти голоса! Вода выплевывает его на грязный берег другой, ненавистной, реальности. Вместо симфонии в ушах гремят барабаны. Тело становится ватным. Возвращается злая мигрень.

«Уна...?»

– ...и ты этой дряни нанюхалась что ли?.. Ой-ой, прикрой срамоту-то!..

Солнце бьет прямо в глаза. Голову и грудь пронзает боль. Мучительно щурясь, Витал пытается разглядеть что-либо вокруг в едком пороховом дыму. Горят корабли. От боли хочется разрыдаться.

– А я не ...дышите же, родненький! Фаусто, ну хороши zenки на меня таращить!

«Нет!»

Из всех сил Витал сбрасывает с себя изуродованные картечью тела и приподнимается на трясущихся локтях. Ему в лицо смотрят мёртвые глаза молодого корабельного плотника. Совсем мальчишка. Из разорванного рта его медленно ползёт красная пена. Дрожащие пальцы проводят по лицу и закрывают глаза мертвеца. Как и тысячи раз прежде, как и всегда, немой крик застревает в горле, когда

он остаётся единственным живым среди десятков тел вокруг.

«Нет!!!»

Вместе с головной болью сознание возвращается в грязную опиумную.

– Дафна, целоваться с капитаном?! Да слезь ты уже с него!
Иди-иди, окна давай открывай!

Лучше бы воды подали. Но нет, они его трясли. Отдать распоряжение: впредь никогда в опиумных с ним так не поступать...

Он не помнил, чтобы расстёгивал рубаху накануне, и теперь онемевшие с дрёмы пальцы безуспешно пытались нашарить пуговицы. От пережитого мутило. Пересохший рот жадно глотал воздух.— А может я воздух в него вдувала... Живой! Живой! – слышался радостный девичий голос.

– Витал, тихо, тихо. Всё хорошо. Мы в Вердене. Воды хочешь?

Из дымного сумрака выступил смуглый черноволосый молодой мужчина с повязкой на кудрявой голове и витиеватыми рисунками на точеных скулах. В руках у него была выдававшая виды кружка.

– На, попей. И давай поскорее убираться отсюда, пока и нас опять не потащило в твои эти опиумные сны. Ну и

смад... Дафна, да открой ты скорее ещё одно окно! Хватит того, что мне с порога мерещатся чудища в трещинах стен... А тебе, похоже, привиделась свадьба с нашим бедным капитаном?.. Он еще слишком молод, чтобы попадать в кабалу...

Квартирмейстер же едва не расплескал протянутую кружку под градом тумачков от разъяренной юнги.— Фаусто!!! Заткнись!!! Чё ты врёшь! Капитан, ей-ей, он брешет! Никаких свадеб не было! Это он сам нанюхался, вот и бредит! Да!!! — покрасневшая до корней рыжих кос Дафна сорвалась на отчаянный визг.

Пару шлепков он всё же для приличия пропустил, иначе девчонка не оставила бы его в покое, и примирительно поднял руки.— Угомонись! — засмеялся моряк. — Я пошутил. Правда-правда...

Давясь, Витал жадно пил и расфокусированным взглядом всё пытался отыскать чудовищ Фаусто в стенах опиумной, заполненной сизым с прозеленью туманом.

Дым висел среди обшарпанных стен с аляпистым орнаментом, лежал на разноцветных засаленных подушках, клубился, словно в раздумьях, перед грязными окнами с неопрятными занавесями.

Наконец юнга открыла окно.

Воздух с улицы всколыхнул ветхую ткань штор и охладил взмокший лоб капитана. Впрочем, ворвавшийся сквозняк даже с натяжкой нельзя было назвать свежим: вонь горячей мертвечины, казалось, отравила собою всякий кисло-

род.

Проклятый пропахший смертью город! Время до отплытия «Крылатого Марлина» тянулось уже несколько мучительных дней вынужденного простоя. Царящее вокруг уныние и безысходность будто начали прорастать и в самом капитане. Убраться бы отсюда, да поскорее!

Пара солнечных лучей выхватила из полумрака на столе пыльные бутылки из-под приличного вина, а также листы бумаги с нечитаемыми каракулями и дурно сделанными рисунками. То и дело откидывая взмокшие пряди с глаз, капитан рассеянно их собрал и как мог аккуратно засунул в карман расстегнутого бушлата.

Перед капитанским носом возник крохотный пузырьёк синего стекла.

– Маркиз велел вам передать и немедленно употребить. Беспрекословно.

На слове «Маркиз» глаза юнги помрачнели, однако указание отчеканила она твёрдо. Ухватить снадобье удалось не сразу, с крышечкой тоже пришлось повозиться, а от пакостного вкуса захотелось немедленно умереть и отмучиться.

Однако в голове мгновенно прояснилось, и капитан хмуро потёр лицо. В его сознании пропали всякие цвета и фигуры, и осталась только мерзость будней.

За окном раздавался одинокий стук колотушки чумного доктора.

– Пошли уже, – в голосе квартирмейстера слышалась

озабоченность. – Дались тебе эти чертежи, Витал!.. Пустая трата времени! Сам знаешь, что Гильдия сейчас не выделяет деньги на всякие изобретения. Впрочем, невелика беда. За грузовые и пассажирские рейсы всяко больше платят...

– Угу. Потому и топчемся на месте. Но как долго мы продержимся на плаву с таким подходом? Разве не наши изобретения сделали Гильдию Мореходов великой и славной, м? – Витал сердито отобрал у Фаусто обнаруженный за кушеткой лист с поломанной сеткой линий неудавшейся проекции. – Я просто так не сдамся. Не на того напали... Не забывай, они ведь в прошлый раз утвердили мои предложения по улучшению фрахта и расположению орудий на судах. Да и к инженерным зазывают до сих пор...

– Ага, но сколько крови попили?.. Дело твое конечно. Ой, а я говорил, что когда ты сильно умничаешь, то похож на этих верденских аристократишек из квартала богачей? Вылитый прям!

Квартирмейстер исполнил шаткий поклон и каверзно зыркнул на капитана.

– Ну знаешь... – Витал сощурившись, недобро повел головой, и тон его приблизил Фаусто к очередному штрафу за нарушение субординации.

– Ничего он не похож! – вмешалась Дафна и затараторила, загибая пальцы: – Они толстые, старые, страшные и бледные! Как донные кораллы! Вот! И у них нет никаких татуировок! Совсем! И кольца они в ушах не носят, а только на пальцах!

– Отставить, Мормышка, – капитан продолжал что-то искать и раздражённо похлопывал рядом с собой на кушетке. – Ближе к делу. Когда выходим в рейс? Решительно не сообщу, какой сегодня день...

Фаусто сложил руки на груди и кинул осуждающий взгляд, особенно выразительный не то из-за густой сурьмы на веках, не то из-за негодования.

– Что? – замер Витал.

– А в двенадцать пополудни! Сегодня!

Капитан подскочил, глянул на карманные часы, бросил несколько золотых на стол и резко развернулся к выходу. И как это он так потерялся во времени? Никогда такого не было. Столько же дел до отплытия... Из скверно начищенного медного зеркала со стены на него глядел осунувшийся незнакомец.

Плачевного вида.

Губы его были поджаты, тяжелый взгляд в обрамлении тёмных кругов под глазами не мигая, смотрел в отражение и, казалось, искренне ненавидел собственную выгоревшую на солнце растрепанную шевелюру.

Витал в недоумении коснулся светлой густой щетины на скулах, из которой, словно волны, поднимались узоры гильдейской татуировки. Точнее, знаки его отличия. Неужто зря он столько времени уделял ежедневному тщательному бритью? Сейчас отчего то капитан выглядел куда солиднее и старше – лет на тридцать с лишним.

Всё ещё рассерженный на себя самого, Витал спешно собрал волосы в тугой хвост, нахлобучил треуголку и одернул привычным жестом бушлат.

– На выход! – рывкнул он в сторону пыльных занавесей у двери.

Утренний свет прорезал тучи и больно ударил по глазам. Но каблуки сапогов бодро застучали по брусчатке в направлении пристаней. Прохожие, грузчики, торговцы, горожане и хмельные с самого утра леди нескромных манер поспешно расступались, освобождая дорогу, и неприкрыто глазели на членов Гильдии Мореходов вдали от порта. Квартирмейстер и юнга едва поспевали следом.

– Фаусто, всё готово?

– Так точно!

– Оборудование?

– На эскадре всё проверено. Заменяли грот-брамсея на «Фурии». Шлюпки на «Золотых Песках» привели в порядок. Такелаж «Крылатого» в идеальном виде, – запыханно слышалось позади.

Сырой ветер с моря гнал по небу рваные серые облака. Сердитые волны пылили, и на порт Вердены, задушенной горечью погребальных костров, шла солёная свежесть.

Шум прибоя мешался с гомоном мореходов. Стоящие вдали на якорях суда скрипели такелажем, и крикливые чайки белоснежными росчерками разбавляли жизнеутверждающую какофонию единственного бойкого места в городе, про-

клятого чумой.

– Ремонтные материалы?

– Полный комплект, я ж докладывал.

– Что с накладными?

– Сработал на опережение, слышь. Я этим бездельникам фунт сургучу так и выложил вместе с документами. Сколько недель мы тогда якоря вымачивали, дескать, больно много бумаг у нас, и сургуч кончился?... Крысы канцелярские...

– О. Это ты ловко придумал!

Взгляд выхватил из толпы торговку пирогами в грязной повязке на лице, из-под которой проступали чёрные язвы. Бедняжка из последних сил нахваливала товар шарахающимся от неё бледным юнцам в потёртых камзолах. Однако какой-то моряк в лихо сбитой на затылок треуголке сидел на ящике и за обе щеки уплетал местное угощение.

– Провиант?

– Погружен. Капитан, а можно помедленнее? Мы за тобой едва поспеваем...

Ноги в высоких сапогах загремели по дощатому настилу порта, и Витал вдруг свернул в неприметную дверь под вывеской «Чай, кофе и другие колониальные товары».

Команда привычно осталась снаружи.

Словно шкатулка с секретами, крохотная лавочка сплошь состояла из коробок, ящиков, сундучков, колоннами подпирающих тёмные от времени потолочные балки. Дух драгоценного кофе десятков обжарок, всевозможных чаёв и спе-

ций словно по волшебству вернул Витала в доброе расположение духа.

– А что, открыта ли мастерская? – после учтивого приветствия спросил моряк хозяйку, дородную пожилую даму в монокле за прилавком-конторкой.

– Как же, как же, любезный капитан Витал. Для вас мастерская открыта всегда, – мадам Моник положила на прилавок небольшой сверток в хрустящей бумаге с нарисованным драконом. – Это вам в знак нашей признательности за содействие в соблюдении торговых договоров на Морском Шёлковом Пути. И ещё вот, – рядом возникла огромная бутыл с чёрным мерцающим порошком.

– Сударыня, право, то была сущая малость в сравнении с той пользой, которую несут всем нам ваши товары и ваше искусство, – он тепло улыбнулся и приподнял треуголку.

Дюжина лет тут же покинула лицо хозяйки. Румянец проступил сквозь белила на её полном щеках, и торговка извлекла из-под прилавка маленькую коробочку с тонкой золотой вязью.

– Акифская сурьма, редчайшего состава, из самой чёрной сажи, – понизив голос, чрезвычайно важно отрекомендовала она, обмахиваясь издавшим виды веером с рваным кружевом.

Витал повертел коробочку в руках и сунул за пазуху.

– Вы не перестаёте меня баловать, – искренне улыбнулся он и деликатно поцеловал ей руку.

– Всегда удивлялась, зачем она вам. Вот уж не поверю, что без сажи на веках вы – не такой красавец...

Капитан снисходительно улыбнулся:

– Польщен. Однако данная «сажа» – не для красоты. Она бережёт глаза от солнца, отраженного водой.

Мадам Моник коротко и совсем по-девичьи вздохнула и, нажав на невидимую педаль, указала на ковёр в самом дальнем углу лавки.

– Благодарю, дальше я помню! – Витал элегантно приподнял треуголку и посмотрел в глаза торговке. – Мне понадобится лишь несколько минут.

Перехватив гостинцы поудобнее, он аккуратно сдвинул ковёр и распахнул дверь вниз.

В тёмной мастерской пахло грубым льняным маслом и растворителями.

Витал на ощупь нашёл рычаги, и из потайных ниш сверху полился мягкий дневной свет.

По-хозяйски оглядев просторное подполье, капитан заложил руки за спину и пошёл вдоль стен. Его взору представили точнейшие копии мировых шедевров: Винардо, Терберг и Рембранди, Канато и Ваттуар... Витал прищурился – пёстрых цветов было всё ещё слишком много для его чувствительных глаз.

Он деловито пролистал стоящие стопками подрамники в тени у стен, иногда бросая: «божественно!», «Уна, ты бы видела!» и «золотые руки!».

Вдоволь насытившись, он развернулся к чему-то огромному посередине помещёния и рванул на себя стоящий дыбом холст.

На неотёсанных высоких козлах перед ним возвышалась массивная заготовка носовой фигуры для «Крылатого Марлина». Виталу показалось, что он уже видит, каким будет результат и мечтательно сощурился.

На столе у стены сверкали начищенными шестеренками хронометр, секстант и часы на цепочке. Удивительно, как подобное достояние Малого Орфея, острова Гильдии Мореходов, оказалось здесь, в святая святых чёрного рынка. Все приборы он скоро замотал в мягкую замшу, переложил в заплечную сумку и двинул к выходу.

Время поджимало.

– Сударыня, я категорически доволен рисовальщиками! Клянусь, спустил бы годовой бюджет собственной флотилии на все холсты до единого! Да простят меня мастера, но Винардо вышел лучше оригинала...

Мадам Моник заговорщически захихикала в кулачок и бережно вернула ему тубусы с подлинниками.

– Ишь каков пройдоха! – старушка легонько шлёпнула веером капитанскую грудь и зарделась от белозубой улыбки. – Храни тебя Всеведущий. Или кому ещё ты там молишься, мой мальчик... – Что же. Везу заказы адресатам, – Витал любовно огладил пожелтевшие кожаные чехлы для сокровищ мировой живописи, – ну а вы, стало быть, смело выставляйте все на торги. На Вердену вернусь нескоро, а зная вашу бережливость, за жалованье рисовальщикам могу не волноваться. Уж поди, оставите и мне, босяку, чего-нибудь?..

Витал направился к двери, когда услышал голос Дафны.

– ...а ведь обещал больше не ходить в эти опиумные гадюшники...

– Всё этот чёртов Бравелин. Забыть такое чай только в этом чаду и можно... – послышался ответ Фаусто.

Дверной колокольчик звякнул позади и дверь лавки захлопнулась. Шум близкого порта вновь напомнил о спешке и делах. Ожидавшие у входа Фаусто и Дафна резко прервали разговор и посмотрели на капитана.

– Перемыли мне всё косточки или как? – ответом стали виноватые взгляды и поджатые губы, – На чём мы остановились... Хм... Что Маркиз?

– Да как обычно, первый из нас наготове, – ответил Фаусто, – Лекарства загружены. У ремонтных даже у кого-то обморок случился, когда он проверял готовность расходников.

– Обзывался дохлыми слизняками! Хоть к морскому дьяволу на рога, сказал, только поскорее бы отсюда свалить, –

возмутилась Дафна. – Тот случай, когда даже я с ним согласная.

Она отчаянно поморщилась и покосилась на скрипевшую мимо них огромную телегу, груженную мешками, в которых угадывались очертания человеческих тел.

– Нет причин для страха. Ты же знаешь, что никто из наших не может заразиться чумой. По крайней мере так утверждает Маркиз.

Витал старался, чтобы голос прозвучал предельно уверенно и непринужденно.

– А всё Священный Альбатрос! Мы под его защитой потому что, – Дафна даже приосанилась и закинула за спину выбившиеся из-под шляпы рыжие косы.

Фаусто хохотнул и закатил глаза.

Витал жестом прервал веселье:

– Грузы? Пассажиры?

– В процессе погрузки. Высоких господ ожидаем ко времени. Но как пить дать, опоздают. Как обычно, все важные шишки плывут с нами на «Крылатом», ихняя свита и барахло распределены по бортам...

– Дафна, прошу, сделай так, чтобы они остались довольны. А не как в прошлый раз.

Веснушки и полосы татуировок на девичьем личике вдруг потерялись в гневном румянце.

– Не, погодите-ка, капитан! А откуда мне было знать, что господа не изволят выносить ночные вазы самолично-то!?

Чё у них, руки отсохнут?! Да пусть на галюн ходют как все, чай не во дворцах своих..! И вообще пусть этим занимается Лукас!!! Он ведь тоже...

— ...Лукас, хоть тоже юнга, но не так сильно проштрафился, как ты, Мормышка, — с плохо сдержанной улыбкой перебил её Витал.

Ответом стала недовольная рожица. Но все же Дафна утвердительно кивнула и сердито надвинула шляпу на глаза.

Капитан зашагал вперед, и улыбка покинула его лицо.

Аристократы на корабле гарантировали головную боль.

Лишённые всяческой дисциплины, знатные пассажиры нередко считали себя вправе устраивать дебоши со скандалами, задавать лишние вопросы и влезать в устои мореходов со своими представлениями. И только его сдержанность и способность находить к ним подход без жертвования принципами были причиной отсутствия кляузных рекламаций и дальнейшего изнурительного обмена рапортами с Гильдией до выяснения.

... Впрочем, за такие рейсы и плата была в разы выше... А статус перевозчика важных шишек давал многие преференции и влияние в Адмиралтействе.

Витал вздохнул и поправил треуголку.

На подступах к кораблям порт превратился в растревов-

женный муравейник.

Пыльные грузчики, такие же выцветшие, как и их бесконечные мешки на спинах тёмных от пота рубах, переругивались и всё норовили пройти покороче до бортов своих судов. Телеги скрипели оглоблями, в которых выгибались лошадиные шеи в поиске обхода внезапно перегородившего дорогу бревна. Юнги, что дождевые ручейки, просачивались промеж спин господ и с важно выпяченными татуированными подбородками крысёнышами шмыгали по сходням.

Как всегда, высокопоставленные пассажиры задерживались в последний момент, а в порт прибывали новые грузы, неучтенные в описи.

Гильдия конечно же добавит свой штраф за превышение простоя, но как быть с тем, что из-за опоздания соблюсти сроки с перегруженными судами становится гораздо сложнее? Капитан, уже охрипший от выкриков приказов, стоял у сходней с заложенными за спину руками и пытался сохранять спокойствие.

Наконец из окружающей суеты показался небольшой отряд гвардейцев, сопровождающих, по всей видимости, его пассажиров. Светловолосый паренёк с пышными выющимися локонами и не менее пышным жабо, выглядывающим из под расшитого золотом камзола активно и восторженно жестикуюлировал. Рядом с ним в роскошном дорожном платье шла миниатюрная леди. Глаза её почти полностью скрывали широкие поля шляпы с перьями. При этом аристократка то

и дело подносила к лицу кружевной платок.

Судя по всему – типичная избалованная дворянка. Из тех, кто боится лишний раз оскорбить свой взгляд об чумазых потных портовых грузчиков и прочей черни. А платок защищает высокородные ноздри от запахов честного труда морского народа.

Заранее прикидывая, сколько же претензий от этих двоих напыщенных шишек ему предстоит выслушать за весь период трехмесячного плавания, Витал потер переносицу. Процессия приблизилась и капитан почтительно приподнял треуголку и замер в полупоклоне согласно установленного Кодекса:

– Гильдия Мореходов в моем лице приветствует Ваши Светлости, Принц де Сюлли и Виконтесса де Круа. Извольте подняться на борт «Крылатого Марлина». Всё готово к отплытию, господа.

Вышло довольно формально, но Витала это совершенно не заботило. Отплытие задержалось почти на час из-за этих двоих, и по его мнению гости не заслужили особого радушия.

– Сердечно благодарим вас! – ответил блондин и лучезарно улыбнулся. – Это же вы капитан Витал Агилар?! Тот самый, что возглавляет нашу поистине историческую экспедицию? Для наших задач сам Герцог выбрали вас как одного из лучших, и с блестящими рекомендациями...

Оценивать качество похвалы не хотелось, да и было неко-

гда.

– Так точно. В пути по всем вопросам прошу обращаться ко мне.

– Ха-ха-ха! Я представлял вас совершенно иначе: деревянная нога, седая борода, повязка на глазу, крикливая птица на плече... Моя дорогая кузина, да взгляни же: вот они, настоящие мореходы! Корабль, дух приключений!..

Витал уставился в упор в широко распахнутые глаза де Сюлли-Младшего. При всей проницательности и знаменитой моряцкой интуиции ему не удавалось понять: была ли то попытка оскорбить, либо это всё – искренность на грани наивности.

– Да-да, премного впечатлена, – слышался бесцветный голос из-под шляпы. Виконтесса замерла, обернулась в сторону города и в очередной раз прикрыла лицо платком.

Она вошла на борт, проигнорировав руку, протянутую капитаном.

Высокомерие чистой воды.

Де Сюлли-младший едва ли не вприпрыжку устремился за сестрой.

Ладонь Витала легла на бронированное плечо, заставив вояку попятиться и развернуться. О сталь гвардейской кирасы клацнули увесистые ножны клеймора. Что ж. Этот рейс обещал быть долгим. Очень долгим. Но ему доводилось перевозить и более напыщенных субъектов из Вердены. Так что Витал уже было выдохнул, когда из толпы гвардейцев

вышел армеец в полном облачении тяжёлой брони и уверенно загромыхал к сходням.

– Любезный, рейсом ошиблись?

– Я это... Там у вас отмечен как профессор де Фонтенак, – небрежно рыкнул вояка.

Витал смерил его взглядом. И преградил проход.

Как впрочем, и ничего профессорского... – Армеец, если ты – профессор, то я – Святой Арканиус, – отчеканил капитан, глядя прямо в прорезь в шлеме – туда, где полагалось быть глазам. Рукавица в чешуе тяжёлой брони лязгнула, снимая головной убор. С испещренного плохо зажившими шрамами лица на Витала уставились горящие глаза. Ничего хорошего они не выражали.

– Пошёл вон, говорю, – Спокойно повторил Витал и тут же свистнул что-то на марс рассевающимся было поудобнее морякам-зевакам. Юнги метнулись вверх по канатам, готовя «Крылатого Марлина» к отплытию из порта.

В повисшей паузе вдруг загалдели гвардейцы сопровождения. Их уже начали обступать моряки. Действительно, самое время померяться, чья же правда сильнее: морская или сухопутная. Часовое опоздание становилось полуторачасовым, и Витал мрачно высчитывал узлы, чтобы поспеть к конечной швартовке в срок.

– Капитан Витал! Благодарю за бдительность, но не извольте беспокоиться. От лица фамилии де Сюлли приношу свои извинения: мы заведомо не успели оповестить о замене

пассажира. Брут Рувар, глава охраны, Лига Доблести, в нашей свите вместо профессора де Фонтенака. Посему будьте так добры, оставьте гостя в покое и позвольте ему подняться на борт.

Ледяная учтивость в женском голосе с верхней палубы «Крылатого», заставила капитана процедить «добро пожаловать» и пропустить новоявленного пассажира.

Мордобитие стенка на стенку отменялось. Толпа зевак и гвардейцев начала редеть.

Витал сделал несколько росчерков в бумагах и взбежал по сходням. В клацании якорной цепи на подъёме уже звенела радость. Малейшее отклонение от графика капитан справедливо считал дурным знаком.

Ветер крепчал. Игривые волны ощутимо покачивали корабль.

Континент остался далеко позади, и разглядеть его даже с помощью оптики уже не представлялось возможным. Витал сложил подзорную трубу и наконец вздохнул полной грудью. Несколько дней в душном порту Вердены показались вечностью.

И казалось, что даже сами корабли эскадры: «Золотые Пески», «Фурия» и «Лентяй», так же почувствовали долгожданную свободу и лихо шли на всех парусах, отливающих

розовым золотом на фоне темнеющего неба. Совсем как на полотнах лучших маринистов.

Витал устало сощурился на предзакатное солнце, плотнее надвинул на лоб треуголку, что всё норовила слететь от порывов ветра, и направился в капитанскую каюту. Его ждала возня с судовым журналом, кучей бумаг и винтами на секстанте. А позже неплохо было бы опрокинуть бокал хорошего согревающего портвейна...

До его слуха внезапно донёсся женский всхлип.

Тонкая фигурка в бирюзовом платье свесилась через борт. Руки ее беспомощно подрагивали, вцепившись в поручни. Поднявшаяся качка поставила верденскую аристократку в самое плачевное положение..

Поминая недавнюю надменность виконтессы, Витал не сдержал усмешку. Что ж, морская болезнь безразлична к титулам и статусам. Однако если вверенной ему пассажирке и суждено свалиться за борт, то уж точно не с палубы его «Крылатого».

Как назло, вокруг не было ни души. До чего нелепое положение: стоять возле высокородной дамы с натянутой дружелюбной улыбкой в ожидании, когда же её наконец отпустят спазмы морской болезни и оберегать от падения. Будто у него мало других забот.

Только нечеловеческая выдержка и воспитание не дали ему прокомментировать ситуацию. За что Витал себя мысленно крепко похвалил.

В этот раз шляпы на аристократке не оказалось. Ветер же, и так изрядно потрепавший изысканную высокую причёску, очередным сильным порывом уничтожил её вовсе и совсем неучтиво заиграл каскадом длинных светлых волос.

Неожиданно для себя самого Витал подхватил развевающиеся пряди, что буквально сами устремились в его ладони. Мягкость шелковых волн парализовала. Прохладными струями они будто пролились между смуглыми пальцами. Такие светлые, такие неуловимо-гладкие...

Едва виконтесса успела утереться платком и разогнуть-ся, как в тот же миг качка вместе с порывом ветра впечатала бедняжку прямо в грудь капитана. Витал едва удержался на ногах, увлечённый распутыванием собственной кисти из длинных волос пассажирки.

Более нелепой ситуации в своей жизни он припомнить не мог.

Леди что-то прошипела, но ее слова унес очередной порыва ветра. Витал собрался было сгладить неловкость беззлойбой мореходной шуткой, когда перевел на глаза на девушку...

... и остолбенел, как если бы увидел призрака.

Её лицо...

– Уна?!

Его Уна.

Здесь, прямо на борту «Крылатого Марлина».

Во плоти.

Огромные голубые глаза на совсем юном фарфорово-белом лице, окружённом волнами светлых, невозможно-светлых волос. Аккуратные, чуть поджатые пухлые губы...

Мир застыл мазками неизвестного художника, чья кисть подчинила само время ради невысокой светлой фигурки на фоне предзакатного морского пейзажа.

Шум волн и ветра накрыла тишина, в которой грохотало сердце.

Между тем его Уна билась в руках злой птицей. И как бы ни растерялся Витал, возмущённое шипение вернуло его в реальность:

– Какой скандал! Отпустите меня немедленно!..

– Мои извинения... Сам не знаю, как так вышло... Это все ветер... И качка... Вы только не подумайте... Я ведь просто хотел помочь, пока вы... эээ...

И чем старательнее Витал выбирал слова, осторожно высвобождая собственное запястье, тем больше возмущения отражалось на лице пассажирки.

– Вам плохо от морской болезни. Но так бывает почти у всех с непривычки. Это совершенно неопасно...

Наконец Виталу удалось высвободиться. Девушка резко отпрянула и начала сердито свивать волосы в косу.

Он же судорожно нащупал во внутреннем кармане бушлата фляжку с ромом и извлёк. Дрожь в руках очень кстати унялась.

– Вам стоит выпить чего-нибудь крепкого. Рому напри-

мер. Полегчает немедленно...

– Вы. Мне. Предлагаете. Пить. Ром. Из горлышка. Вашей фляги?!...

Крайняя степень удивления в голубых глазах сменилась на негодование оскорблённой высокогородной дамы.

До Витала же вдруг дошло, как в действительности абсурдно всё выглядит со стороны.

Витал нервно сглотнул. На верхней палубе по-прежнему никого, кроме них, не было. Да что он творит? Должно быть в её глазах он – не просто какой-то мужлан, а из тех негодаев, что распускают руки и пользуются служебным положением...

– Будет лучше, если я провожу вас в каюту, миледи. Ветер и качка...

Виконтесса демонстративно шагнула назад и произнесла:

– Я сделаю вид, что восприняла ваше непристойное поведение, как эдакий... эксцентричный жест гостеприимства. А вовсе не хамство и форменное панибратство. Настоятельно рекомендую впредь воздерживаться от подобного. Или – командование Гильдии Мореходов получит донесение о безобразном обслуживании и взысканием соответствующего чинам и званиям штрафа. Надеюсь, мы с вами друг друга поняли?

В завершение тирады, произнесенной самым ледяным тоном, Витала с ног до головы смили надменным взглядом. Замешательство капитана было столь велико, что с ответом

он не нашелся .

– Прекрасно! Могу ли я доверить вам распоряжение подарить мне в каюту чаю с жасмином? И будьте добры, побыстрее!

Она видит в нем обслугу? Вот как?!

Витал так и стоял, не в силах тронуться с места от удивления.

– Это всё, капитан, – с гордо поднятым подбородком проговорила миледи и, подобрав юбки, шатко направилась к себе в каюту.

Отрезвлённый сказанным, Витал проводил её взглядом и выдохнул:

– Вот это я ошибся...

На борту

Они плыли уже месяц.

Вернее, двадцать восемь дней, если судить по записям в дневнике виконтессы де Круа.

Лавразский континент остался позади. Свежий ветер не стихал, и суда эскадры шли ровно и скоро. За время путешествия Селин успела подметить, что каждый корабль сопровождения имел выдающуюся особенность: «Золотые Пески» – плавучий склад провизии и товаров, перевозящий также пассажиров среднего класса, «Фурия» и «Лентяй» – военные фрегаты с большим количеством оружейных порталов на борту.

Правда ей было невдомёк, к чему боевые суда на вполне себе гражданском маршруте.

Относительно трёх прочих кораблей сопровождения, «Крылатый Марлин» отличался наибольшим изяществом и маневренностью. На верхнюю палубу выходили каюты для высокопоставленных гостей, как и капитанская. Спускаться на нижние без сопровождающих де Круа всё ещё опасалась.

Горькое снадобье с лимоном от корабельного лекаря, которое тот строго-настрого велел принимать ежедневно, действовало безотказно. После отступившей морской болезни – или всё же из-за реальности побега из Вердены? – Селин

начала наконец замечать яркость изменчивой красоты бескрайних пейзажей и людей вокруг себя..

Ей становилось лучше вопреки множеству неудобств и отсутствию привычных вещей из дворцовой обстановки. Локоньки стали жестче от морского воздуха, а лицо зарумянилось от первого в жизни загара – непременно сделавшего бы её мишенью ядовитой критики среди придворных дам... Но по мере удаления от континента невидимая тягостная связь с ним всё истончалась. Душу постепенно заполняли позабытые светлые чувства радости и безмятежности.

Она ловила себя на том, что стала улыбаться на неуклюжие каламбуры Антуана и тихонько, как и прежние времена, делать знаки Бруту быть снисходительнее и воздерживаться от привычных сомнительных шуточек в адрес юного наследника семейства де Сюлли. А в минуты размышлений над скрупулёзно составленным де Фонтенаком фолиантом о Да-Гуа ее то и дело увлекало наблюдение за жизнью мореходов.

И раз за разом, окрылённая, растерянная новизной собственного счастья, она обрушивалась оземь в привычные стыд и вину за свои же впечатления.

– Может ли всего лишь месяц в пути исцелить от горечи утрат? Разумеется нет, – повторяла про себя Селин, укоряла за неуместное воодушевление и возвращалась в мрачные мысли.

Впрочем, ненадолго. Ведь пребывать в сосредоточенной скорби на «Крылатом Марлине» мешало решительно все:

изумительная свежесть играющего с парусами ветра, солнечные отблески на волнах, безмятежные пурпурные закаты, случайно подслушанные матросские шутки и конечно же очередные выходки кузена...

Вместо оздоровительных зелий Антуан де Сюлли предпочитал крепкое спиртное, чем и сохранял бодрость духа. С бутылкой, торчащей прямо из кармана камзола, он с удовольствием бродил по палубам.

Его вылавливали из балластного отсека, выводили из камбуза, доставали из шлюпки, в которой он вздумал схорониться, играя в прятки...

Его обнаруживали даже в таких местах, о существовании коих не принято упоминать в приличных домах.. Когда же Антуан начинал засматриваться на мачты, к нему, припадая на металлический штырь вместо ноги, подходил боцман и заглядывал в лицо со значением.

Вот и сейчас Кузен расхаживал по верхней палубе и раскрывал объятия ветру, что вздымал благородную выющуюся шевелюру и превращал камзол в подобие паруса.

Или даже флага.

Румяный от восторга, он дышал хмельными парами в кузину:

– Вот он – дух свободы! Ты ведь его чувствуешь, Селин?! Нет больше назиданий и дурацких правил!... Отныне – мы сами по себе! Мы теперь творцы собственной истории!

Наблюдая за братом, Селин всё же отметила некоторую

зависть к его наивной безмятежности:

– Всецело разделяю твои восторги... Однако пока ты не понимаешь, дорогой кузен... Мы не только «творцы **своей** истории». На нас – великая ответственность. Остров, куда мы плывем – прежде всего лакомый кусочек для фракций из-за богатых ресурсов. И мы станем помехой для тех, кто хочет растащить Де-Гуа на части...

– Помилуй! Чего же может быть ценного в дремучей провинции?..

– Например, богатые залежи руд и самоцветов для всякого производства. Древесина ценных пород. Также – разнообразная флора и фауна, о каких мы на континенте никогда и не слышали... Де Фонтенак потрудился на славу...

Антуан только моргал на её доводы. И не понимал.

Селин пролистала несколько страниц фолианта от и мрачно добавила:

– И конечно же... живой товар. Именно оттуда, с Да-Гуа, в качестве рабов вывозят на континент аборигенов...

– Мнэээ... разумеется, это крайне негуманно... – как бы ни был навеселе, Антуан всё же задумался, – Но решительно не понимаю, мы-то там станем причём со всеми их проблемами?

– Бордели и таверны там тоже есть, вашблагородие. Тебе определённо некогда будет скучать, – раздался голос Брута.

Гвардеец сидел неподалеку на бочке и сосредоточенно полировал клеймор.

Зеркальный блеск стали то и дело отбрасывал солнечные зайчики. Блики скакали вверх по парусам, метались по такелажу, палубе и по спинам матросов, что, казалось, навеки обречены драить дощатый пол.

– Чего это ты себе вообразил? Считаешь, будто я не смогу стать хорошим управителем?!

Гвардеец хмыкнул:

– Не, ну тебе доверят выбор штор в опочивальне да десерта к ужину... Уж простите, вашблагородие, мы с тобой давненько ноздря в ноздю...

– Ч-тоооо?!... Да ты... Ты всегда меня недооценивал! Как и мой отец! – вскипятился Антуан. – Зачем только мы тебя вообще с собой взяли!.. Ты слишком старый и косный!

– Согласен. – Брут отложил меч и встал в стойку. Сжатые кулаки прикрыли ухмылку. – Старый и костный я в любой момент могу сделать из тебя, открытого новому и прекрасному, молодую и румяную отбивную. На кулаках. En guard! А ну докажи, что мои тренировки не прошли для тебя даром!

– Вызов принят! Как жаль, что мне приходится преподавать урок человеку в столь почтенном возрасте... – Антуан небрежно разминал суставы.

– Эй, я старше тебя всего в полтора раза, сопляк!..

– Старик, не «в полтора раза», а на пятнадцать лет, если быть точным. Но нет, разве вправе я винить человека, чудом дожившего до седины, в неумении простейших арифметических счислений...?

Не веря собственным ушам да и глазам, Селин зажмурилась и вздохнула.

– Брейк, бойцы! Мореходы ещё подумают, что вы это серьёз... – она помахала бумагами в своих руках, – Лучше уж пустите силы на нечто дельное. Например, поразмыслите, какие реформы следует провести на острове, дабы охладить накал между фракций. Если отбросить все витиеватые «реверансы» из донесений, в сухом остатке мы имеем, что Да-Гуа находится чуть ли не на грани гражданской войны... И на нас возложено ни много ни мало – остановить закоренелую вражду местных племен и рассорившихся между собой пришлых. Но важнее всего – покончить с главным злом – работорговлей!

Оба замерли и в удивлении уставились на де Круа.

– Что?! Птичка, ты же это не серьёзно?

– Брут, я же просила... Без панибратства!

– Вы оба выросли у меня на глазах, так что имею право... Только ты мне зубы-то не заговаривай. Я так и понял, что нашей задачей станет утихомирить солемских святош, акифских алхимиков и прочих неплательщиков пошлин. Ну может ещё дикарей, которые чего-то там не поделили. Но ты.. Погоди... что ты сказала про рабство??? Ты точно не перегрелась сегодня на солнце? Может этот старикашка чёт не то в снадобье от морской болезни подмешал!? Как там его...

– Маркиз. Его зовут Маркиз, – в подсказке послышалась ирония, – За месяц плавания вы впервые слышите это имя?

Очень не советую называть его старикашкой даже между собой. Мало ли... Расстроите ещё, и вот тогда даже тщательный выбор ингредиентов нашего кока вас не убержёт от Маркизова негодования...

Все обернулись на капитана Витала.

Он стоял совсем рядом и что-то высматривал на горизонте. Не отрываясь от подзорной трубы, тот небрежно бросил:

– Судя по всему, вы попросту не представляете, с чем и с кем вам предстоит иметь дело. Да-Гуа – замкнутая и хм... самодостаточная структура. Всё выстраивалось и налаживалось годами. Новые порядки прогнозируемо получают отпор. Вашей делегации стоит хорошенько поразмыслить, прежде чем выступать с реформами для Де-Гуа... Впрочем, то меня никак не касается...

– Простите?.. – Селин опешила.

Влезать в их судьбоносную дискуссию?! Снова нахальный капитан плюёт на все приличия! Эти мореходы – сущие дикари!

Витал обернулся, и на татуированном лице промелькнула тень насмешки:

– Идеалы – это конечно благородно, а энтузиазм всегда достоин похвалы. Ваши намерения по-настоящему прекрасны, но взяли вы совершенно не тот курс. Очень сомневаюсь, что вы сознаете, в какую опасную игру планируете ввязываться. Ваш «профессор» тут прав.

Брут тихонько выругался на сторону.

За время в пути капитан стал выглядеть совсем иначе. От усталого моряка, каким Селин его увидела в день отплытия, не осталось и следа. Правильные черты молодого, но мужественного лица подчеркивал легкий загар и росчерки гильдейских татуировок на гладко выбритых скулах. Как знала Селин, эти линии и зигзаги обозначали мореходные чины и звания. У шеи сиял белизной воротник рубахи. Из под треуголки крайне простого, но изящного фасона, виднелись аккуратно собранные с помощью черной ленты светло-русые волосы. Высокий же рост, статность и безупречную выправку подчеркивала заложенная за спину рука и отменно сидящий моряцкий камзол.

Внезапно смущённая Селин объяснила себе свою растерянность тем, что просто впервые обратила внимание весьма экзотичный внешний вид капитана и для верности отметила два небольших кольца, продетые в правую бровь моряка. Спасительные украшения, на которые ей для самой себя было достаточно пристойно уставиться.

Капитан внимательно окинул пассажиров взглядом.

– Наслышан, что на званных приёмах суровая действительность – не в почёте. Однако она такова: сейчас на острове почти всё решают мейлонгцы с их обширными плантациями опийного мака. И эти ребята даже посерьезнее тамошних акифских алхимиков будут с их чёрным рынком ядов, взрывчатки и оружия... Они явно не жаждут встречи с контролерами сверху. Да вообще с любым,, кто покусится на их

главный источник доходов – рабов... Хм... Может, сходили бы в кают-компанию, сыграли в шашки? – капитан сделал непонятный знак кому-то из команды на палубе ниже и двинулся прочь.

Смутно знакомое «Мейлонг» ассоциировалось у Селин с абсолютной безвкусицей громоздкой и непонятной роскоши. Несколько секунд она силилась припомнить, откуда же слышала это название. Ещё в детстве кто-то в салоне сочинил о некоем «морском шёлковом пути» Мейлонга довольно мерзкий каламбур, что-то о червях или насекомых, Так это название и отпечаталось в памяти.

Тягучий, липкий, холодный и такой знакомый страх шевельнулся где-то внутри. Вот это новости! Насколько же оторванным от реальности был двор и их информаторы, что спустя почти год тщательной подготовки к экспедиции истинное положения дел оставалось абсолютно туманным!.. Мысли метались одна от другой. При всем богатстве территорий, казна Альянса все эти годы была довольно скромной. На деле выходило, что Да-Гуа представлял собой настоящую золотую жилу. Куда же девались все эти капиталы у нечистых на руку партнеров? От загадочного острова повеяло чем-то по настоящему зловещим.

Похолодевшие пальцы до ломоты стиснули кружево собственного воротника. Их же с Антуаном отправили в звериную пасть, в сущее пекло! Это же билет в один конец! Умышленно или нет, – теперь не имело никакого значения...

Вдруг вспомнились солнечно-жёлтые глаза убитого раба-дикаря, в которых навсегда остановились звёзды. Политика политикой конечно... Но ради кого ведутся все хитро-сплетённые игры, как если не ради людей, всеобщего блага, которого так много, что во все времена хватало и великим, и малым?!

В душе Селин закипело. Она решительно подобрала юбки и догнала Витала:

– Одну минуту, капитан! То есть по-вашему, нам – новой власти на острове, полагается просто смотреть, как аборигенов угоняют в рабство, как колонисты с континента творят беззакония на земле приютившего их народа, грабят собственную казну, рушат устои и – не вмешиваться?! Этому не бывать! Много лет назад Альянс Негоциантов основался именно что для охраны закона и мира во всей их многогранности! Мы созданы, чтобы учитывать интересы наибольшего количества людей на основах справедливости и гуманизма! – Она готова была поклясться, что страх её отступил. – И нет, нас не запугать! Мы освободим рабов! Ибо все, слышите, все люди равны! Именно поэтому к нам прислушиваются, именно поэтому открывают перед нами двери!..

Раскрасневшаяся Де Круа вдруг осеклась. Зачем было озвучивать всё первому встречному? На что она рассчитывала? Да что вообще может знать о её ценностях моряк пусть даже в чине капитана и со статусом судовладельца?! Зачем она завела с ним эту дискуссию?! Как и всегда, её могли ожи-

дать лишь очередные насмешки, равнодушие, и всё то, к чему она так и не смогла привыкнуть при дворе в ответ на попытки изложить правду своего сердца.

Капитан лишь молча смотрел на неё.

Казалось, его покинула всякая ирония. Пристальный взгляд больше не блуждал по её лицу, как при первой встрече. Пропала жадность изучения черт. Моряк отстранённо-внимательно смотрел прямо в глаза Селин.

Или в самую душу?

Смотрел так, словно он видит виконтессу впервые и силится понять, кто же перед ним. Это одновременно и пугало и... Никто и никогда не смел смотреть на неё так. Селин похолодела, но в груди поднимался незнакомый, опасный и такой манящий жар...

– Капитан, при всем уважении... Иной реакции от вас было бы странно ожидать, – Селин чувствовала, что щеки ее горят, но продолжала. – Разве Гильдия Мореходов не участвует сама, пусть и косвенно, в деятельности работорговли, перевоза «живой товар»?!

Медленно, но очень серьёзно капитан произнёс:

– Вижу, вы действительно верите в свою способность изменить ситуацию. Вы же не просто называете то, что, как вам кажется, преподнесет вас в выгодном свете? Но всё намного сложнее... Впрочем, невзирая на ваши обвинения Гильдии Моряков, я так же презираю работорговлю и не должен был...

– Вам не следовало подслушивать чужие разговоры, капитан! Я хотела бы быть уверенной, что все вами услышанное останется между нами...

Де Круа сама ужаснулась той возмутительной холодности, с которой прозвучали собственные слова. Что с ней такое происходит всякий раз, как только приходится говорить с капитаном?

Витал осмотрелся вокруг и усмехнулся.

– Между нами? На любом корабле очень сложно утаить какие-либо секреты, миледи. Слыхали об эффекте акустики? Без неё никто бы не расслышал мои приказы. Но будьте спокойны, высокопоставленным пассажирам вроде вас более нечем удивить меня и моих ребят. И мы не привыкли трепать языком... Ещё будут ко мне вопросы?

– Благодарю вас, капитан.

Тот небрежно коснулся треуголки, кивнул и зашагал прочь. Для виконтессы Селин де Круа, консула Альянса Негоциантов, наибольшим сожалением в данный момент стала невозможность провалиться сквозь все палубы корабля на самое дно морское, где тишина, покой и нет никаких дурацких кузенов, пугающих новостей, Брутов с их панибратством и... бестактных капитанов.

Армада

Сколь бы ни потрясли её новые сведения об острове Да-Гуа, всего несколько дней спустя Селин вновь ловила себя на том, что безмятежность и позабытая юношеская живость отодвинули тревогу куда-то на дальний план. Убаюкивающее покачивание на волнах, свежий воздух и нагретый солнцем деревянный шезлонг, в котором так удобно и читать, и незаметно поглядывать из под полей шляпы на бесконечную суету мореходов, несущих службу, словно начали возводить размеренную, надёжную опору для новой жизни.

Вот одноногий пьяница с безобразным лицом – тот самый боцман – вышагивает по палубе, припадает на тронутую ржавчиной железную ногу и что-то сипло выкрикивает. Вот рыжеволосая девчонка Дафна по-обезьяньи карабкается на верхний ярус парусов и безобразно горбится на ужасной высоте... А вот детины-близнецы с типической для них глухой улыбкой драят палубу под каркающие назидания жуткого корабельного лекаря, что в который раз отправляет их мыться...

– К-клянусь Бездной, однажды я воб-быю в ваши бош-шки глав-венство гигиены на бор-рту!!! Чт-т-тооооо?! Чаше, гр-р-рю, моешься – реже горячка да вошь!!! – вещал старик. Его апломб и аристократическая бледность сочетались с такой жутью, которой позавидовали бы все вместе взятые чумные

доктора в своих длинноносых безликих масках.

Поймав на себе пронзительный взгляд старика, Селин на всякий случай опустила глаза в книгу. Когда троица удалась, де Круа украдкой в который раз за этот день поискала взглядом капитана.

В своей неизменной треуголке, с непостижимо идеальной выправкой тот стоял вдалеке на носу корабля вместе с Фаусто, квартирмейстером. Черноволосый акифец отчего-то лучезарно улыбался и поглядывал в подозрную трубу. Удивительно, но судя по наблюдениям, экипаж едва ли не боготворил своего капитана несмотря на всю строгость и явно не соответствующий статусу молодой возраст.

Хм... Как вышло, что каждое общение с Виталом в обычно рассудительной и спокойной Селин всякий раз вызывает бурю негодования и других самых возмутительных эмоций? Она раздражённо перевернула страницу и попыталась вникнуть в текст.

Вдруг раздался тревожный крик откуда-то сверху. Придержав шляпу и сощурившись, де Круа подняла голову.

С самой высокой мачты по центру палубы падал человек. Падение было странным. Матрос птицей скользил по канатам, взмахивал сильными руками так, словно держался за воздух, и перелетал по перекладинам мачты всё ближе к палубе. Приземлившись, как ни в чём не бывало, он вытер лоб локтем и что-то гаркнул товарищам.

У Селин закружилась голова.

– Эээ... миледи, – тотчас же раздался негромкий голос слева...

Де Круа натянула дежурную улыбку и обернулась.

Перед ней стоял смуглый матрос и неловко переминался с ноги на ногу. Кажется этого юнгу команда называла Лукасом:

– Миледи, в ваших вещах оказался опоссум... Мы конечно не возим зверя вне клетки, но коли оно – ваш питомец... Нет, я не могу утверждать, но кажется он перепортил ваши вещи и... нагадил в постель...

– Что?! Неслыханно!..

Селин помчалась в каюту.

Но на удивление, там никаких следов животных, грызунов или тем более опоссумов, не нашлось.

Позади внезапно щёлкнул замок.

Она рванулась к выходу и обнаружила дверь запертой.

Спустя мгновение скрипнул засов, и разъярённая де Круа сорвалась на крик:

– Да как вы смеете?!

Небо прояснилось. Ветер дул крепкими свежими порывами.

Капитан привычным жестом встряхнул сложённую под-

зорную трубу.

Ровная линия горизонта имела изъясн. Будто рука, ведущая грифельную черту, вдруг дрогнула и продолжила путь как ни в чем не бывало.

На маршруте следования с материка на Да-Гуа не предполагалось никаких попутчиков, кроме состава эскадры «Крылатого Марлина» – фрегатов «Лентяй», «Фурия» и «Золотые Пески». В противном случае Гильдия Мореходов уведомила бы их ещё в порту.

Витал закусил губу.

Пираты. Они же – «крысиные бригады».

Встречи с ними частыми не были, но всегда заканчивались грабежом, пламенем и кровью с таким трудом собранной команды. При любой расстановке сил страдали и люди, и корабли. Воспоминания предсмертных криков братьев по морю, врезались в память кровавыми струнами.

Витал нахмурился и осмотрелся, будто в надежде увидеть подсказку. В последнюю встречу с крысиными бригадами бедняга Жан из близнецов лишился руки, а затраты на ремонт бортов, рангоута и паруса свели на нет весь годовой заработок экипажа «Крылатого Марлина». Но невзирая на полученный урон, груз не пострадал, а репутация надёжного перевозчика утвердилась за Виталом окончательно.

Риски возросли. Теперь, кроме доверенного имущества и жизней своих ребят, он отвечал и за высокопоставленных пассажиров. Взгляд сам собой остановился на верхней палу-

бе на корме, где на солнце светлели широкие поля шляпы сидящей в шезлонге виконтессы. Витал поспешил отвернуться и принялся рассчитывать скорость сближения по направлению ветра.

Стало очевидно: стычка неизбежна, и отпор должен быть столь яростным, насколько вообще способна его эскадра.

Руки сами собой сжались в кулаки.

Рядом образовался Фаусто. С нарочито-спокойным видом Витал передал ему трубу.

Как и всегда накануне стычек, тот нервничал и до рези в глазах, обрамленных густыми угольно-чёрными ресницами, вглядывался в горизонт.

Сквозь клацанье зубов он отчеканил:

– Бочки надёжно подвязаны. Груз заперт и запечатан. Готовы расчехлиться по первому приказу, капитан.

Витал кивнул.

– Что с пассажирами?

– Гвардеец сразу сообразил, что к чему, и вызвался на оборону. Весьма пригодится. Ты видел его клеймор? Блондинчика и не пришлось долго уговаривать – уже заперся в каюте. А вот с миледи для верности чуть схитрим. В лучших наших традициях.

Капитан усмехнулся. Его голос вдруг стал деланно-высоким, а выражение на лице – глупым и капризным:

– Фляга с ромом?! Фи! Стычка с пиратами?! Дважды фи, капитан!!!

Фаусто было приснул, но тут же взял себя в руки и беспокойно переложил трубу к другому глазу:

– Аристократишки эти вроде как стрельбе и фехтованию обучены...

Витал фыркнул.

– Ты же это не всерьёз? Не хватало, чтобы их ранили или пленили... Сколько за эту фифу, например, выкупа потребуют? Страховая спишет на риски, это да...

– ...но, как у нас водится, потом тебя сожрут, – заключил Фаусто.

– Я «Крылатого» ни под каким предлогом не заложу!..

– Не дешевле ли её убить?..

Взгляд Витала отменил шутку, и квартирмейстер резко уставился в подозрную трубу.

– Да успокойся, шучу я, шучу. Думаешь, никто не заметил, как ты всё время на неё таращишься ... – Фаусто заговорщически оскалился и обнажил ряд безупречно ровных крупных зубов, – на днях вон видел, ты как вкопанный стоял под дверью её каюты. Целую вечность простоял! А чего не постучал-то? Так и ушёл ни с чем... Не знал – не знал, что наш капитан, оказывается, столь нерешителен с дамами...

Витал набрал было воздуха, чтобы разъяснить: наивные амбиции маленькой виконтессы на Да-Гуа в противостоянии могущественной коллаборации фракций во главе с Мейлонгом – самый верный и короткий путь отправиться в мир иной в самом расцвете лет, и лишь понимание субординации не

давало...

Предательское желание оправдаться внезапно сменилось на острый позыв серьёзно подпортить безупречность улыбки квартирмейстера.

И заодно вкатить ему самый крупный штраф. Два штрафа! Нет, три!

Загнать в долги к чертям собачьим! Чтобы в следующий раз точно было неповадно нарушать субординацию!

– Блестящая наблюдательность, хвалю. А доложи-ка, Фаусто, будь так добр, кто это, Морской Дьявол побери, у нас на горизонте прямо по курсу?!

Тот мгновенно скис и дрожащими руками вскинул подзорную трубу в указанном направлении.

– Да не разобрать пока, что за бригада. Ишь, черти, идут кильватерной колонной. Скорей бы раздвинулись, хоть посчитаемся... У нас кстати белый флаг заплесневел. Всё забываю сказать...

– Оружие к бою!

Только когда Фаусто покинул верхнюю палубу, а по всему кораблю поднялся топот, Витал выдохнул и потер лоб под треуголкой. В висках стучало. Поднесённые к лицу пальцы предательски дрожали.

Капитан помрачнел и проверил оружие, закреплённое на кушаке.

Де Круа вышагивала по каюте и задыхалась от негодования.

Да как они посмели!

Поступать подобным образом с дипломатическим лицом... Какой скандал! Да что о себе возомнила команда «Крылатого Марлина»?! Пусть готовятся расхлебывать последствия неслыханного инцидента и платить колоссальные штрафы после её рапорта! О, она не будет стесняться в выражениях! Полетят головы!

Селин поправила ворот платья, решительно распустила волосы и собрала причёску. Истинной леди даже в гневе следует иметь надлежащий вид.

Она уселась за грубо сделанный туалетный столик с чернильницей-непроливайкой и воинственно обмакнула перо. Внезапно пол подпрыгнул, и на листе образовалась большая черная клякса.

До слуха донёсся странный шум, как если бы палубой ниже перекачивалось нечто тяжёлое.

В дверь грохнули кулаком, и раздалось хриплое:

– Птичка, ты там?

– Брут! Выпусти меня! Немедленно! – завопила Селин.

– Нет-нет! Так надо! Сидите с Антуаном в каютах! И не высовывайтесь! Будет бой! Готовят пушки!...

Послышался удаляющийся топот.

– Открывай, кому говорю! Это приказ! – пролепетала на-

смерть перепуганная де Круа и отчаянно заколотила по двери и руками, и ногами.

Хватило одного воспоминания о гравюре знаменитого Бравелинского Побойща, чтобы вообразить стаю кораблей, изрыгающих страшные пушечные ядра.

Против которых не было ни средства, ни укрытия.

Соринка на горизонте выросла до различимого фрегата.

И действительно, из-за флагмана показались носы других судов. Вся армада несла галеонные фигуры в виде драконьих голов с выпученными глазами.

Всего пять штук.

Корабли стремительно приближалась.

Бледный как смерть Фаусто вдруг перестал чеканить отчёт и заглянул капитану в глаза:

– Витал. Это мейлонговские корыта. Под флагом... Погоди-ка! Это же... Венсан? Венсанов же флаг?! – Квартирмейстера трясло. – Поклянись, мы напьёмся как черти, если переживём это...

Капитан сдвинул брови.

– Почему не на Морском Шёлковом Пути, а в мирных водах...

Имя Венсана знали все моряки.

Когда-то давно, почти с дюжину лет назад, Венсан ходил на «Фурии» из их нынешней эскадры и слыл мастером мореходного дела. Названный брат и один из наставников Витала ещё со времен учёбы в Морской Академии. Инженер и офицер, всецело преданный делу Гильдии Мореходов.

Из Гильдии же его исключили с огромным скандалом по делу об измене. Долгое время о нём не было ничего слышно, пока однажды на основных торговых маршрутах не возникли галеоны под чёрными флагами со скрещёнными саблями в виде буквы «V». Венсан стал пиратом. Сколько бы они ни прошли в юности, как бы ни был дорог друг по памяти, Витал понятия не имел, что с ним сделало время. И крысиная жизнь. Теперь Венсан враг.

Враг.

О блестящем боевом оснащении крысиной бригады ходили легенды. Поговаривали, гильдейские суда сразу же вывешивали белые флаги при появлении Венсановых кораблей в расчете на милость. Но то, разумеется, были всего лишь слухи, что распускали враги матушки-Гильдии.

Витал так и стоял, до рези вглядываясь в подозрную трубу в надежде увидеть знакомое лицо на флагмане. В попытке отбросить глухую тоску, он упрямо считал палубы, пушки и по оттенку бликов на дулах пытался оценить материал изготовления и скорострельность орудий. О трофейных выплатах и мысли не было: его эскадре бы только пережить этот бой... Кровавая пелена Бравелина вихрем пронеслась перед

глазами, и рука легла на эфес.

Словно кто-то другой, не Витал, бодро и громко проговорил Фаусто:

– Выше нос!.. Тебе же не впервой проходить наши стычки. Всё не возьму в толк, как ты до сих пор не привык...

Квартирмейстер прерывисто выдохнул и умолк, тоскливо уставившись на драконью голову на носу вражеского флага-мана.

– И да, Фаусто.. Выйдем на сушу, реквизируемся, получим свои доли, и нас с тобой поглотит беспробудное пьянство. Обещаю. Разве когда-то было иначе?

Глаза Фаусто на мгновение вспыхнули:

– Кстати, капитан, в трюмах «Крылатого» достаточно места для добычи...

– Вот таким ты мне нравишься гораздо больше!

Квартирмейстер кивнул на хищную улыбку Витала и бросился к нижним палубам.

Ветер крепчал и уносил с собой тревоги, оставляя только холодную решимость отбиться любой ценой.

Витал оглянулся на корму. Спесивую аристократку с лицом его Уны уже наверняка увели в каюту, но само её присутствие на борту «Крылатого Марлина» здорово нервировало.

Верхнюю палубу заволокли вооружённые моряки.

Быстро и твёрдо капитан зарядил мушкетон, извлёк из ножен саблю и рывкнул:

– Расчехляй!

Спустя минуту синхронно распахнулись оружейные порты. Вдоль бортов пробежал громкий стук, и над водой показались тупые носы орудий.

«Крылатый Марлин» пошёл на резкий разворот и дал сильный крен.

Витал усмехнулся: рулевой знал своё дело.

Корабли в составе экспедиции на Да-Гуа, рискуя перевернуться, выстроились в боевую линию, ошестинились чёрными дулами орудий и закрыли собой «Золотые Пески».

На его фрегаты на всех парусах шли линейные корабли противника не ниже второго ранга. И это не сулило эскадре «Крылатого» ничего хорошего.

Вцепившись в подзорную трубу, Фаусто считал пушки на вражеских бортах и завистливо цокал языком, изучая новейшую геометрию парусов противников.

– Нам бы такие кливера!.. Пару, а то и тройку узлов сразу выдадут... Капитан, мы чего ждём? Давай уже команду «огонь»!

– Рано!

На «Крылатом» и соседних судах, где мгновения назад моряки перекрикивались, двигали пушки и бряцали оружием, воцарилась зловещая тишина.

В которой эхом слышалось имя Венсана.

Настоящее его сделалось притчей во языцех: неуловимый, жестокий, бескомпромиссный. Даже в стенах Адмиралтей-

ства шептались о драконовских методах легенды «крысиных бригад», не приемлющего любые нарушения дисциплины вроде пьянства и азартных игр. Он сделался грозой Морского Шёлкового Пути, с существованием которого приходилось считаться.

– Капитан, они уже точно на расстоянии – голос Фаусто дрогнул, – пушечного ядра...

– Отставить! Ждать! Ещё ждем...

Словно фигуры шахматной партии, оба флота шли среди волн.

Ни один из вражеских бортов не нёс флага переговоров. Фронтальные орудия молчали.

Витал не понимал.

Чего могут хотеть пираты от гражданских судов, в отличие от богатых трюмов на Морском Шёлковом Пути? Оба Кодекса Гильдии: Морского и Сухопутного Гильдии обязывали «убить на месте» любую пиратскую крысу «буде позволяет вооружение».

Орудия его судов – позволяли.

Как капитан, он обязан защитить свои суда и своих пассажиров! Он должен сработать на опережение! Каким бы ни знал Венсана по прошлому, теперь он – по ту сторону закона.

В голове звучал хор заученных с детства слов: «Только праведный мореход достоин принадлежности к Гильдии: веками чтущей оба Кодекса, Морской и Сухопутный. Всякий же отступник – суть предатель и скверна, засоряющая чисто-

ту Священного Океана...»

И совсем некстати всплыло в сознании то утро в лазарете после Бравелина. Теплая крепкая ладонь Венсана, пожимающая такие слабые, будто чужие, пальцы... Дурацкие шуточки над названиями снадобий Маркиза, чтобы хоть как-то подбодрить... И серьёзное венсаново: "Среди волн мы находим нашу истину, а среди бурь – нашу силу..."

Витал провел ладонью по мокрому лбу и опустил глаза. В голове все кипело от вопросов. Как мы оказались под прицелом пушек друг друга? Действительно ли бой неизбежен? Что осталось от того Венсана, которого он знал? Насколько правдивы слухи, наверняка, умноженные суевериями и страхом морского народа?

Когда Фаусто тронул за рукав, Витал вздрогнул.

– Да что с тобой, капитан?! Неужто забоялся?!

– Отставить!...

Шум собственного дыхания стихал с каждым вдохом. В последний раз он направил подзорную трубу на флагман наступающей на них армады и тихо произнёс: «Огонь!».

Команда разошлась эхом, утонувшем в грохоте пушек.

Все орудия дали одновременный залп, и акваторию поглотило огромное облако густого дыма.

– Флагману осталось не меньше получаса, но абордажа не избежать, – сухо проговорил Витал, сиюсь разглядеть в дыму и пламени на вражеских судах знакомую фигуру, – Приготовиться!

– Так точно!

– Пушкари, парусное вооружение прицел! Плотники – на изготовку! Остальные – к бортам!

Собственные выкрики приказов казались Виталу чужими. Эхо команд разошлось по эскадре.

Дрожащими руками Фаусто повязал косынку на тугие кудри и выхватил из ножен кривой ятаган.

– Дадим бой крысам! – заорал квартирмейстер, и одобрителные крики команды вторили его призыву.

“Крылатый” дал резкий крен. Над головами со свистом полетели ядра, дырявя паруса. Дождь из щепы заколотил по палубе.

Корабли эскадры так же будучи под атакой расходились, чтобы занять фланги.

Даже сквозь обманчиво непроглядную мглу дыма, затянувшего акваторию, виднелась небывалая скорость, на которой шли, всё приближаясь, зловещие фигуры вражеских «драконов» с полыхающими парусами и палубами. Даже горящая, армада наводила ужас.

Судно ходило ходуном. В воздухе стоял тяжёлый запах гари. Из-за взрывов и криков Селин почти ничего не слышала. Она забилась в угол и пыталась унять бешеный пульс, головокружение и приступы дурноты.

Дверь каюты распахнулась, и во вспышке очередного залпа вдруг различила статную фигуру в длинном черном бушлате. В мужчине, который махнул рукой и скрылся за дверью Селин узнала квартирмейстера Фаусто. Она выскочила за ним.

Каюта Антуана пустовала, открытая настежь. Кузена нигде не было и на палубе.

Рывок за локоть потащил куда-то в сторону. Не поспевая за широким шагом акифца, она только придерживала высоко поднятый ворот и затравленно озиралась в полумраке затянутого пороховой вонью коридора. Судя по доносящимся с верхней палубы звукам, происходило страшное.

Вдруг чужие руки грубо стиснули её плечи. Перекрикивая шум, акифец заговорил:

– Миледи, на нас напали пираты.

– Где мой кузен?

Вероятно, заметив отчаяние на лице де Круа, он ощутимо встряхнул её. Игнорируя вопрос, Фаусто медленно произнес:

– Ваша задача – спрятаться внизу. Приказ капитана. Ваш долг – выжить. Об остальном мы позаботимся.

Бедная Селин едва успела кивнуть в ответ, как раздался грохот, и судно сильно качнуло.

Чудовищного ругательства из уст своего спасителя она не расслышала. Сверху донеслись крики «полундра!», и акифец рванул назад.

Ледяной ртутью по венам де Круа разлилась решимость,

и она побежала.

Мимо неслись вооружённые до зубов матросы, обвешанные боеприпасами. Селин продвигалась между моряками словно против течения. Бряцание их оружия отдавалось глухими ударами пульса в висках.

– Назад! У нас течь! – окликнул её кто-то.

Но Селин уже распахнула дверь и обмерла.

В темноте у ног происходило движение. В тусклых отсветах коридора ...кипела пена. Бочки и ящики позабытыми посудинами покачивались и вращались в грозно прибывающей воде. Натужный плеск тонул в шипении и стуке.

Пробоина.

Картина скорого потопления уже возникла перед ее глазами и перепуганная Селин сообразила: спасти от смерти может только дорога наверх.

Топот сапог. Лестницы. Чей-то пот. Крики. Снова топот. Лестницы. Искаженные страшные лица. Гарь.

Она бежала, старалась смотреть только под ноги.

Дневной свет и нестерпимый шум вокруг на мгновение ослепили и оглушили.

На верхней палубе, затянутой плотным дымом, царила полная неразбериха. Крики боли и ярости тонули в грохоте орудий. Повсюду носились вооружённые тени и коротко перекрикивались на языке мореходов.

Растерянная, Селин озиралась в тщетной попытке сориентироваться и увидеть знакомые лица. Над ухом раздался

громкий металлический щелчок. Она отпрянула и пригляделась.

Сонный рябой калека с железной ногой преобразился: он сноровисто заряжал арбалет и ловко выпускал в толпу болты один за другим, ослабив уродливое лицо...

Однорукий верзила-полотёр, которого вот только недавно звал мыться жуткий старик, легко взмахивал громадным топором, прорубая путь к капитанскому мостику...

Рыжеволосая крошка Дафна с татуированными глазами и подбородком тенью скользила в толпе, оставляя за собой хрипящие тела. Обе её руки, вооружённые длинными ножами, темнели от крови по локоть...

Кто-то из пиратов было замахнулся на квартирмейстера, но вдруг из груди негодяя выскочило лезвие и спряталось обратно. Из раны мгновенно хлынула кровь. Фаусто обернулся и добил врага, резко выдернув кривой ятаган из его горла.

– Птичка! Сейчас же убирайся отсюда! Берегись чёрных повязок и узкоглазых! – проорал рядом Брут, сбивая с ног какого-то хмыря. Он быстро сунул ей в руки мушкетон с порохом и махнул в сторону. – Бегом на корму, прячься!

Дважды повторять не пришлось. Де Круа побежала сквозь бой. Уворачиваясь от атакующих, она напряжённо высматривала людей с чёрными повязками на головах и лица с узкими глазами, что бы это ни означало.

Оскаленные мореходы, мелькание клинков в дыму, крики, взрывающиеся брызгами щепы борта – палуба преврати-

лась в филиал Преисподней. От похожести «своих» и «чужих» казалось, что на корабле случился бунт, и единая команда воюет сама против себя.

Оглушительные звуки пальбы, удары металла о металл и крики почти уже не достигали слуха. В голове стучал только собственный бешеный пульс.

Профессор де Фонтенак когда-то рассказывал об опасностях для благородных дам попасть в руки морских разбойников и об их особой ценности как добычи. Антуан тогда ещё зашёлся мерзким хихиканьем и всё предлагал «поиграть в пиратов».

Селин готова была кусать локти и ненавидеть себя за то, что вообще покинула каюту, – но на сожаления не оставалось времени.

Уворачиваясь от мелькавшего оружия и искажённых злобой страшных лиц, она шаг за шагом продвигалась к спасительному закутку у расколотой пушечным ядром шлюпки.

Но едва попыталась спрятаться, как упала на спину, сбита с ног ухмыляющимся бандитом. Раскосые глаза его смотрели холодно и жестко. Он мгновенно набросил на неё веревку и поволок к борту, истыканному множеством абордажных крючьев. Соседнее судно, что прижалось к «Крылатому», скалилось чёрной от копоти, и от того ещё более пугающей, зубастой драконьей мордой на носу. Де Круа закричала и заскользила ногами по палубе. Гроыхнуло.

Тащивший её мужлан вдруг ослабил хватку и рухнул.

На месте его лица зияла отвратительная кровавая дыра.

Селин избавилась от веревки, спряталась наконец в укрытии и стала судорожно заряжать мушкет. Пули выпадали из дрожащих рук и одна за другой укатывались прочь.

До слуха донёсся хриплый смешок. В висках стучало. Она подняла взгляд и обомлела.

Снова раскосые глаза с чёрными зрачками. И кошмарные, злые маски и рогатые шлемы. Босоногие бандиты в лёгких нагрудниках и выдавшей виды пёстрой одежде приближались. Её лопатки до боли вжались в древесину борта.

Вдруг прямо перед ними словно из ниоткуда возник капитан. И движения его были слишком точны и выверены. Как если бы он только и делал, что воевал.

Пинком он отправил под ноги пиратов пустой ящик, чем сбил с ног двоих. Третий приготовился было зайти сзади, когда прогрохотал выстрел. Оглушённая Селин приоткрыла один глаз. Она попала в грудь нападавшего и едва не задела капитана.

Тот вытер лицо рукавом бушлата, тяжело дыша:

– Впечатляет! Вы целились? Или просто это я сегодня везучий?

Де Круа только досыпала в мушкет пороха из рожка и поджала губы. Пуля всё норовила выскользнуть из трясущихся пальцев и никак не хотела отправляться в ствол.

Витал тем временем вырвал из рук одного из бандитов мушкет, перехватил наподобие булавы и ударил прикладом в

голову. Выстрел из него же отбросил второго пирата к борту, где раненый в грудь дрогнул и затих. Схватка со следующим закончилась так быстро, что Селин даже не успела понять: как длинный острый меч вдруг оказался в горле своего же хозяина и прошел насквозь.

Очередной же выстрел Де Круа утомил ещё одного бандита. По полотну из-под нагрудника расплзлось багровое пятно.

Заворожённая и растерянная в ужасе происходящего, Селин не сводила глаз с капитана. Что-то опасное, невероятно пугающее и одновременно прекрасное виделось в каждом его движении. Он, словно в танце, уклонялся, парировал, сталкивался с бандитами в смертельных па. Вот он взбегаёт по такелажу, чтобы спрыгнуть и снести чью-то голову. Вот нарушает законы физики, уклоняясь от чьего-то клеймора. Вот за мгновение отправляет за борт очередного чужака...

Разгорячённый, будто пьяный от запаха крови, Витал сейчас меньше всего напоминал того интеллигентного капитана, подавшего ей руку, чтобы помочь взойти на трап. Он буквально переродился в воплощение безымянной неукротимой стихии, что торжествует в хаосе крови и огня.

Бешеный стук пульса в груди разрывала новая, неизвестная, смесь из почти детского восторга и восхищения...

«Какого же цвета его глаза?» – вдруг подумалось Селин.
– Почему вы не на нижних палубах?! – рявкнул капитан.

Не дожидаясь ответа, Витал схватил торчащий в ком-то топор, перерубил им канат на абордажном крюке и сейчас же с хрустом оставил его в черепе бандита за одной из бочек.

Дочерна насурьмлённые холодные глаза хищно выискивали очередного врага.

Селин пролепетала:

– Но там пробоина!

Он коротко кивнул. Позади закричали.

С пиратского судна, что вгрызлось в борта «Крылатого» своими абордажными крючьями, продолжали пребывать поредевшие в численности, но вполне себе ещё живые пираты.

Даже в дыму сражения Селин успела заметить блеск ятагана в руках окруженного бандитами квартирмейстера неподалеку. Капитан было ринулся на помощь Фаусто, но вдруг замер, лихорадочно озираясь.

– Сюда! – крикнул Витал и изо всех сил потянул массивное металлическое кольцо под ногами. Показался небольшой решетчатый люк. – Миледи, вниз! Бегом!

Повеяло холодом. Ненадежного вида лестница, потемневшая от сырости, исчезала в темноте. Но страх перед толпой головорезов перевесил страх возможной встречи с корабельными крысами, и Селин повиновалась.

Капитан быстро, наподобие парусинного сложения, собрал пышные юбки, что едва не остались на палубе, и всё никак не уместались в довольно узкий лаз. В торопливых, но сдержанных, возгласах моряка она краем уха расслышала

что-то о Маркизе, который непременно убьёт кого-то, если доведется выжить. Едва голова Селин скрылась в люке, тяжёлая решетка шумно захлопнулась. На миг в просвете показалось встревоженное лицо капитана. Но в следующую секунду сверху громынуло. Посыпались щепки...

Запах пороха смешался с сыростью. Прикрыв лицо, Селин с надеждой взглянула над собой в просветы решетки. Капитана Витала уже не было видно.

Отчаянно цепляясь дрожащими руками за перекладыны, де Круа продолжала спускаться. Каблук соскользнул, и она, взвизгнув, полетела вниз.

Падение завершилось треском, звуками рваных юбок и болью в ушибленной коленке.

Где-то по-прежнему ухало и скрипела древесина, но острое чувство беды вдруг отступило. Остались лишь лёгкая тревога и настороженность. Понемногу зрение стало привыкать к темноте. Вопреки ожиданиям, Селин попала не в трюм. И даже не в подсобное помещёние. Она открыла единственную дверь перед собой и перешагнула порог каюты. Едва де Круа протянула руку к чему-то продолговатому и белёущему, как во мгле вспыхнуло голубоватое свечение. На неё в призрачном отблеске смотрел огромный конский череп. В другое время такое открытие здорово бы напугало, но после пережитых потрясений сил на страх будто бы вовсе не осталось.

Селин обошла все помещёние несколько раз в тщетных

попытках найти какой-либо другой выход или обитателя каюты.

Что, если корабль затонет? А если их эскадру таки захватят чужаки с узкими глазами и чёрными повязками? Живы ли сейчас капитан Витал, Антуан, Брут и те члены экипажа, которых она успела узнать?.. Но сознание словно кутала мутная пелена, и мысли в ней вязли. Будто сам запах каюты умиротворял и баюкал...

Кто здесь обитал, мужчина или женщина, понять не представлялось возможным. Запустение и словно бы покой установленной причудливыми предметами каюты веяли странным уютom. Над потолком с тихим шорохом покачивались пучки трав, вдоль стен стояли книги. Узкое лёжище стянула твёрдая холстина с полосами размашистых письмён и неизвестных фигур. Самым же неожиданным оказалось крепко сбитое трюмо довольно старого вида.

Де Круа вздохнула, взяла первую попавшуюся из книг и присела к столику. Вопреки привычному, ни одно из трёх зеркал не отражало, но виконтессе было уж не до того. Она раскрыла книгу на закладке и вздохнула: волнистые от сырости и старости страницы пустовали. Ни слов, ни рисунков не оказалось ни в начале, ни в конце довольно толстого издания. Селин сердито захлопнула её и огляделась. Знакомый глянец пузырьков с очевидными парфюмами и мазями на хорошеньких полочках трюмо поднимал настроение. Крышечки на удивление легко поддавались, и густые запахи косме-

тики наполнили её сердце теплотой. Вот – тяжёлая сладость жасминового масла, вот – ароматная миндальная пудра. А этот пузырьёк чёрного в призрачном свете стекла пах... пах..

Перед глазами всё закружилось, голубоватое мерцание тотчас же погасло, погрузив во мрак, и Селин уронила голову на руки.

Послевкусие

Либо Всеведущий был на стороне «Крылатого Марлина» и его сопровождения, либо им благоволил сам Морской Дьявол.

То не имело значения.

Столкновение на воде было решительно выиграно.

Если считать выигрышем удержавшиеся на плаву истрёпанные суда, и убитой – часть экипажа .

Не без сожаления моряки пустили ко дну не подлежащие ремонту великолепные пиратские фрегаты с чёрными драконами на носах, забили трюмы до отказа добычей и взяли на борт тех немногих, кто сдался.

Небо алело заходящим солнцем. Море улеглось. Ночная темнота только оттеняла следы пережитой катастрофы.

Даже молотки плотников, безостановочно, в несколько смен, выбивающие повреждения с бортов пострадавших кораблей, в этот час молчали.

Предштилиевую тишину разбавляло потрескивание такелажа да негромкий скрип мореходских бушлатов.

Верхняя палуба «Крылатого Марлина» безмолвствовала в унисон уходящему дню.

Капитан наперечёт мог назвать имя каждого почившего из своей команды. С заложенными за спину руками Витал медленно брёл вдоль обёрнутых старой парусиной больших

свёртков, в очертаниях которых угадывались человеческие тела. К ногам каждого было привязано по пушечному ядру.

– Капитан, поглядите-ка, какой у нас тут улов! Решили, что это один из наших за борт угодил. Ан нет... Взгляните же! – торжествующее пыхтение Лукаса разрушило момент.

Он сбросил с плечей бессильное, но крупное тело пирата и прислонил его к борту. С промокнувшей до нитки одежды по палубе тут же растеклась приличная розоватая лужа.

– ...правда, он еле живой...

Витал устало подошел к пирату. С мокрых длинных волос, закрывающих лицо чужака, бежали тонкие ручейки. Капитан вздохнул.

– Ценная находка, Лукас. И что мне с этим делать?

– Ну может подлечим, будет палубы драить или галюн... Мало ли... – пробурчал юнга.

– Действительно. Велю Маркизу тотчас бросить заниматься нашими и срочно лечить какую-то крысу... – Витал устало потер шею и присел к гостю, – Эй, приятель! Назови хоть одну причину, почему мы не должны тебя вернуть обратно за борт?

Он наклонился над пленным, но тот лишь тихо застонал. Только сейчас под изрубленным бушлатом капитан разглядел плечо, в котором зияла глубокая безобразная рана. Открытые участки, на мускулистом теле проглядывающие сквозь рваную ткань одежды, отливали белизной. Множество линий татуировок казались чёрными.

Истёк кровью. Не жилец...

Пленник закашлялся и что-то проговорил. Витал присел напротив в попытке расслышать и сейчас же скрипнул зубами от боли в боку и мышцах. Ему в грудь вяло ткнулся сжатый кулак со сбитыми костяшками.

– Среди волн... мы... находим... истину... – прошептал пират.

Рука его бессильно опала, и пара круглых резных золотых колец покатались по доскам палубы.

Витал уже понял, кто перед ним, но все же убрал мокрые волосы с бледного лица умирающего.

Его легко было узнать, даже несмотря на косматую бороду и полностью заплывший левый глаз.

Венсан.

Сколько лет назад они говорили в последний раз? Что сделали с ним годы? Узнал ли он Витала? Как вышло, что он стал изгнанником? Почему, Морской Дьявол подери, он оказался в этих водах и напал на бывших согильдийцев? Неужто на его-то борте не было переговорных флагов?!

Витал молча смотрел на знакомое с детства лицо и понимал, что ответов он никогда не узнает. Единственный видимый глаз закатился, а ледяная посиневшая ладонь говорила о том, что Венсан пребывал уже в ином мире. Запоздалые попытки привести его в чувство оказались тщетны.

Проморгавшись от застилавшей глаза влаги, Витал потер лоб и через боль выпрямился во весь рост.

– Лукас. Для нашего пленника уже все кончено, – он старался ничем не выдать дрожь в голосе, – Это Венсан. Похороним его по чести. Когда-то он был нам братом...

– Но разве так можно?... – раздался чей-то неуверенный голос позади.

– Он заплатил за свои похороны. И мы принимаем эту плату, – отрезал капитан, и в его ладони сверкнули поднятые с палубы кольца.

Спустя полчаса непривычно молчаливая команда теснилась у борта, и десятки рук сжимали снятые головные уборы.

Васко обвел взглядом ряды закутанных в ткань тел в последний раз. Внутри кипела непостижимая злость. Сил определить её адресата не осталось. Скорее он негодовал на проклятых пиратов, что стали на пути их эскадры. Или быть может, он злился на каждого из тех, кто оказался в этих мешках за их нерасторопность? Или за излишнюю бравладу в бою? А может, больше всего он был зол на самого себя за то, что не нашел способа предотвратить все эти смерти?

На плечо легла тяжёлая рука. Маркиз проскрипел:

– Пор-ра, капит-тан.

Отвернувшись, Витал сердито шмыгнул носом и посмотрел на плотника в упор. Тот только медленно покачал головой. Капитан опустил глаза. Не прими на себя капитанство, он мог бы себе позволить отдаться гореванию. Он мог бы молчаливо раскуривать трубку и предаваться воспоминаниям, лишь бы не отпускать погибших. И Витал всё оттягивал

момент, когда короткая молитва морского народа поставит точку, и назовёт мёртвых мертвецами. Казалось, произнеси он формулу прощания, и объятия его памяти разомкнутся, чтобы отпустить братьев в вечность забвения. Но плечи расправились, спина распрямилась, и он проговорил:

– Рождённые морем в бездну морскую и вернутся. Ласковой глубины, братья.

– Ласковой глубины, – вторили ему голоса вокруг.

Жан и Жак, хмурые, тихие, зарёванные, одного за другим отправляли погибших мореходов в за борт.

В тишине подступающих сумерек раздалась невыносимо долгая череда всплесков.

– Экипаж, па-а-адъём!

– Подите вон, – промычала Селин и перевернулась на другой бок.

– Птичка, одевайся и спускайся к нам в кают-компанию. Все уже собрались. Намечается пирушка!

Сон начал отступать, и она присела в постели. Каюту наполняли розовые лучи заката.

– Что ещё за пирушка? – спросила она без особой надежды на ответ.

– Да кто их поймет, этих крыс мокрожопых, – пробасил

Брут из-за двери. – Впрочем, не отдали концы и ладно – ребята живут, как в последний раз! И они правы...

Всё, что говорил телохранитель, показалось каким-то несусветным бредом. В сознании то и дело всплывали мутные образы морского боя, лихого капитана Витала, дрожащий в её руке пистолет и загадочная тёмная каморка с волшебным свечением...

Де Круа потеряла лицо. Чудовищно несуразный и дурной сон! Она встала с постели и охнула: тело нещадно ломило.

Дрожащей рукой де Круа приподняла разорванный подол то ли пыльного, то ли подпалённого платья. Так и есть! На левой коленке запеклась кровь – след от недавнего падения с лестницы.

– Как я попала сюда, Брут?!

– Не помнишь? Мне тебя принёс старикан их, сказал, дескать нашёл без чувств на нижних палубах. Я уж подумал, что ранили, да он только зыркнул и велел уложить спать. Антуан уже со всеми в кают-компании, да и я голоден, как собака. Спускайся к нам, узнаешь, как оно что...

До конца не сознавая реальность, но возмущённая и зверски голодная, Селин окончательно проснулась. Наспех прихорошившись и надев чистое, она направилась на многоголосый гомон под аккомпанемент восхитительных ароматов мяса на углях. Де Круа уже начинала забывать запахи нормальной пищи.

В низком сизом дыму мерцали свечи.

Лязг приборов тонул в чавканье и хриплом смехе. И на первый взгляд практически ничего не напоминало о минувшем страшном бое. Словно она попала на застолье в дружеском компании. И только когда на моряхах показались медицинские повязки, она поняла, сколько раненых осталось после схватки с пиратами.

У края стола толпились матросы в промокших штанах, спешно набивали рты и рассовывали по карманам бутылки.

– Капитан, удалось запечатать часть затопленных помещений. Вот только у нас на исходе запасы смолы и досок. Неделю, от силы две, протянем, ей-ей. Кровь из носу «Крылатому» надо идти на верфи, иначе... – произнес один из них.

– Благодарю, я в курсе, – капитан излучал собранность и спокойствие, – Даю вашей бригаде отбой. Я распорядился о смене. Все по прибытию получают награды. Если не от Гильдии, то от меня лично.

– Так точно!

Несколько матросов устало плюхнулись за стол к уже сидящим, остальные, хлюпая сапогами, удалились.

Завидев леди де Круа, капитан встал из-за стола. Его примеру последовали все собравшиеся. Громыкнули стулья. Недавние опытные бойцы, четко исполняющие свои роли, снова напоминали какой-то расслабленный сброд. Но теперь они уже не казались настолько чуждыми, как раньше. Глядя на разношёрстную публику, Селин впервые позволила себе улыбнуться:

– Добрый вечер, господа!

Ответом ей стал стук налитых до краёв кружек, чашек, бокалов, плошек и пиал. Огоньки свечей превратили простецкую кают-компанию в подобие причудливого салона, полного фантасмагории.

– Моя драгоценная кузина! Как я счастлив, что и ты с нами!

Судя по интонации и блеску в глазах, Антуан уже был прилично пьян. Он грациозно взмахнул миниатюрной вилкой с нацепленной на неё огромной бараньей лопаткой и придвинул ей стул.

– Где твои манеры, кузен?! – тихо проговорила сквозь улыбку де Круа. – Давно ли ты стал одним из «них»?..

Впрочем, про себя Селин с облегчением вздохнула – брат остался жив-здоров вопреки всем потрясениям. Тем временем Антуан уже увлечённо разъяснял одноногому боцману с арбалетом и обожжённым лицом – почему так важно владеть приборами в количестве не менее трёх вилок, да и то от безысходности.

На них с недоумением смотрели несколько мореходов. Впрочем, увидав, как де Круа их заметила, участники пирושки тут же сосредоточились на угощениях.

Селин окинула взглядом стол. В отличие от приевшейся солонины с морковью, новые блюда ненавязчиво напоминали о недавнем пополнении запасов. Чего тут только не было!

Розовеющая нежным срезом буженина с хрустящей ко-

рочкой; акифские огромные орехи, сочащиеся прозрачным маслом ядрами; кокосы, ловко порубленные вместе со скорлупой; расставленные по столам импровизированные груды отдающих коричневым и красным куриных ножек в соусе по-мейлонгски; маринованные кальмары и куски жареной рыбы; криво нарубленные и пахнущие на весь коридор сыры, – она смекнула, что окна-то были распахнуты настежь вовсе не из-за тяжелого духа алкоголя с табаком; – сложенные пирамидками варёные бледные картофелины...

...и бутылки.

Огромное количество мутных бутылок, что чёрными пыльными башнями возвышались посреди импровизированного города кушаний.

С набитым ртом Брут разъяснял на матерном разговорном какому-то бедолаге с подвязанной рукой весь вред для суставов кисти неверного захвата клеймора, а так же как следует держать его правильно и крепко. Для пущей убедительности гвардеец ассистировал себе похожей по размеру костью с остатками мяса.

Маркиз, бледный ужасный старик с пронзительными синими глазами и тонкими паучьими пальцами, тот самый, что увещёвал матросов к мытью, единственный, кроме капитана, пользовался вилкой и ножом. Он недовольно косился на собрание из-под хмурых бровей и аккуратно накладывал себе кушанья. Впалые щеки покрывала серая щетина, уголки красного рта были оттянуты книзу, и создавалось впечатле-

ние, будто ему в тягость весёлая компания.

— Как вам спал-лось, милед-ди? — вдруг спросил старик. В скрипучем голосе его прозвенело злое недовольство.

— Я... — отчего-то виновато начала Селин, — ...Так то была ваша каюта? Никогда бы не подумала...

Но Маркиз сокрушённо покачал головой и что-то пробормотал про посудную лавку.

Когда он потянулся через стол за бутылкой, де Круа невольно перевела дыхание и поёжилась.

— Не обращайтесь внимания, миледи. Наш Маркиз всегда недовольный и ворчит, только дай повод, — подсказал женский голос. — Ну а чё ему? Типа раз он у нас самый главный судовой лекарь и начальник над плотниками, с него и спросу нет...

Дафна втиснула косоногий табурет рядом с леди де Круа и вытерла нос рукавом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.